

ПЕТР ГЛАДИЛИН

УТЕСОВ

Музыкальная комедия.

Не вычитано редактором, корректором.

В пьесе указаны места для музыкальных сцен, но это не значит, что в каждом таком месте обязан быть музыкальный номер.

Выбор песен и их места на усмотрение режиссера и дирижера.

Тексты песен сокращены за исключением нескольких (в данном варианте пьесы соотношение: 60 страниц- драма, 5.5 страниц тексты песен.)

Все права принадлежат автору.

Гладилин Петр Владимирович @

8 (926)142 60 56.

Москва 2018 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Леонид Утесов

Лена жена

Эдит дочь

Исаак Дунаевский, Дуня.

Любовь Орлова

Григорий Александров

Иосиф Сталин

Марк Твен

Чарли Чаплин

Белый медведь Борька.

Артисты оркестра Дунаевского

Рояль, тромбон, контрабас, ударная группа, банджо, три саксофона, две трубы,
и другие!

Состав Утесовского бенда менялся, имена будут уточняться в зависимости от времени действия в сцене, если это необходимо.

Действие первое. Сцена 1.

Москва, 1922 год. Комната в коммунальной квартире.

Утесов: Опаздываю на репетицию, Леночка.

Елена: Оденься потеплее, Лёня, дрыбадан на улице. Что ты ищешь?

Утесов: Правый ботинок.

Елена: Вот он.

Утесов: Ой, любимая спасибо, смотрит на меня а я его не вижу. Что за шум?

Елена: Облава на воров и проституток, вчера четыре машины забили битком, увезли на вокзал.

Утесов: И куда их?

Елена: В исправительные трудовые учреждения, это в лучшем случае.

Утесов: А в худшем, Лена?

Елена: В худшем вывозят на острова в Белом море, и оставляют, как есть, умирать, нет ни домов, ни бараков, ни пропитания.

Утесов: Господи, за что людям такое испытание?

Елена: Коммунисты считают, что в новом обществе не должно быть воров и проституток, чистки идут от деклассированного элемента! Я с партийцем Яшей Смолкиным разговаривала, он сказал... мы и до вашего актёришки доберемся.

Утесов: Где мой правый ботинок... к нему был теплый носок... меня-то за что?

Елена: За то, что растлеваешь пролетариат.

Утесов: Я?

Елена: Песнями и джазом!

Утесов: Азохен вей! Уравняли песню с проституцией, чокнутые!

Елена: Ты там потише репетируй!

Утесов: Слиял тромбонист с гитаристом в чужой оркестр, в музыке образовалась дыра!!! Будем репетировать, пока не упадем, вернусь на рассвете, любимая.

Елена: Любимый, ты на что-то мягкое и помятое глаз положил?

Утесов: Я тебя умоляю!

Елена: Казимира Невяровская?

Утесов: Любимая, нельзя собирать слухи, это не по-нашему! Мы с ней не знакомы, у нее стеклянный глаз и одна нога короче, вся Москва знает.

Елена: Замотай горло, ветер ледяной, ты дохаешь, как простуженная лошадь, я ее видела, она красивая!

Елена: Ветер сильный, горло свое воспаленное береги, на улице рот не открывай, дыши носом!

Утесов: Я, симпатичный, Леночка, ко мне пристают бабы, я их обнуляю, они мне мелко мстят, никого не слушай, Лена.

Елена: Нам в обед привезут дрова, я протоплю квартиру, у нас будет тепло, я заварю чай, дома тебя ждет семья: я, дочка - поужинаем, обнимемся, заснем в тепле в уюте.

Утесов: Рано не жди! После репетиции, я должен как следует выпить с товарищами из «Реперткома», и доказать им, что фокстрот - это пролетарский танец рабочих окраин Америки!

Елена (зовет): Эдиточка, папа уходит на работу!

Утесов: Вчера дал объявление, на свободные вакансии в оркестре, неужели никто не откликнется? Два музыканта, пусть даже поюзанные, плохенькие! Господи, услышь мои молитвы!

Появляется девочка восьми лет.

Эдита: Папа!

Утесов: Когда ты вырастешь, Эдиточка, ты станешь петь, вместе с папой!

Эдита: Да, мы будем петь вместе, и нам будут дарить цветы!

Утесов целует дочь, жену, выходит.

Сцена 2.

Оркестр на месте за пюпитрами. Музыканты разминаются. Входит Утесов.

Утесов: Все в сборе?

Банджо: Сегодня без опозданий, все на месте.

Утесов: Тромбонист, гитарист? Искали, нашли?

Саксофон 1: Нашли одного гитариста и полтора тромбониста.

Утесов: Полтора - это как?

Банджо: Гимназист, позавчера научился играть, но старается, из трусов ползет!

Контрабас: Всех троих нашли по объявлению.

Утесов: Отлично!

Саксофон 1: Одна беда.

Банджо: Они засланные казачки.

Утесов: В каком смысле?

Саксофон 2: Они играют в оркестре Изи Цымблера, у Цымблера нет трубача и барабанщика, он заслал к нам тромбониста и гитариста!

Банджо: Чтобы они увели у нас трубача и барабанщика.

Утесов: Изя платит репетиционные?

Саксофон 2: Причем педантично, как немец, сволочь.

Утесов: Покажи, где эти двое.

Контрабас: Вот этот блондин и этот брюнет с сигаркой

Утесов: А где пол тромбониста?

Банджо: В драной шинели.

Утесов: Усек!

Саксофон 1: Как только развернут агитацию в пользу Цымблера, мы их спустим с лестницы.

Банджо: : Мы им поломаем головы!

Утесов: Я вас умоляю, кто будет играть на тромбоне и гитаре?

Саксофон 1: Я не подумал.

Утесов: Не пыжься, Фима, здесь думаю я. Откеда узнал про козни Иззи Цымблера?

Саксофон 2: Буракова Тоня, она у него переписчицей нот подвязалась, Танюра подшпионила.

Утесов: Позови Адельку.

Подходит Адель, администратор.

Адель: Ты меня звал, Ледя?

Утесов: Да, красивая, жаль, не молода.

Адель: Мне восемнадцать.

Утесов: А ноги волозишь, как старуха.

Адель: У меня туфли на три размера больше, слетают, а так молодая. Оркестр заряжен, можем начинать!

Утесов: Смотри за мной внимательно, как только я нервно почешу за ухом, вот так (показывает), позвонишь своей родной маме и скажешь, чтобы она позвонила наоборот тебе, через коммутатор. Пусть мама долго звонит, сразу трубку не бери, потом вытащишь телефон из кабинета в репетиционную и скажешь...Леня, вам звонят из Парижа, я подойду, трубку отдашь мне. Я буду говорить, маме скажи, чтоб молчала. Ясно?

Адель: Ага. А что мне за это будет?

Утесов: Любовь трубача Скоморовского. Прости, у меня из имущества пока больше ничего нет.

Адель: Мне бы ботиночки по размеру или сапоги.

Утесов: Потерпи до весны, там разбогатеет, ты все запомнила?

Адель: Ага.

Утесов: Двигай, только ноги не волозь, мне этот скрип, как стеклом по сердцу!

Сцена 3.

В репетиционную входит Утесов.

Саксофон 1: Ребята, у кого есть что-нибудь в рот закинуть?

Утесов: Я просил не приходите голодным на репетицию.

Саксофон 1: А где харчи взять?

Утесов: А голова по что на плечах, а ноги к спине зачем пришиты?

Саксофон 1: Меня уже никогда никто не сможет накормить, я так в эту осень наголодался.

Саксофон 2: Женись на дочке Луначарского.

Саксофон 1: Что она, дура, зачем ей музыкант с инструментом?

Саксофон 2: Но у тебя есть другой инструмент.

Саксофон 1: Это в наше время не ценится. Им рестораны подавай!

Барабанщик: Меня позавчера одна лысая блондинка, как по нотам!

Трубач: Если она лысая, как узнал, что блондинка?

Утесов: Парик на стуле лежал.

Трубач: Зачем же она подстриглась?

Утесов: В Париже в моде лысые женщины. Хватит языками чесать, давайте репетировать.

Гитара: А билеты на концерт проданы?

Утесов: На сто тысяч лет вперед!

Контрабас: Ты еще ни одной ноты в нашем оркестре не взял, а уже про деньги интересуешься!

Гитара: За счет чего вы собираетесь брать публику?

Тромбон: Оркестров в Москве, как собак зарезанных!

Гитара: И все играют джаз!

Утесов: У каждого оркестра свой секрет, у нас тоже есть.

Саксофон 1: Жрать хочу, погибаю, корочку дайте, люди добрые!

Гитара: Вот, наверное, в этом весь секрет!

Барабанщик: А давайте бросим к черту святое искусство и поедем грабить поезд в Ташкент.

Трубач: Зачем так далеко, мой брат под Ярославлем сливает керосин с товарняка, и продают в городе.

Барабанщик: В Ташкенте многоженство, там каждому трудящемуся дают по отдельному гарему!

Контрабас: Ты бы с одной бухгалтершей справился.

Барабанщик: Если меня каждый день плотно харчевать, я с тремя гаремами справлюсь.

Утесов: Заканчиваем базар, все вштырили беники на мою правую руку! Приготовились!

Адель (подбегает): Я нашла потрясающего молоденького пианиста!

Утесов: Где играет, в каком оркестре?

Адель: Не знаю, Софа рассказала, зовут Дунаевский. В пятницу у него концерт.

Утесов: Это интересно, пойдем, послушаем. После цифры два, вступили, и весело чтобы!

Как буйные!

Барабанщик: Буйные - это кто?

Утесов: Буйные - это сумасшедшие!

Оркестр играет «Гоп со смыком». Утесов поет.

Заканчивают.

Гитара: Это так ваш солист поет?

Тромбон: Так его ж не слышно!

Гитара: Так он же сипатый!

Тромбон: Ребята, пойдемте лучше в оркестр Изе Цымблеру, там три солистки, тоненькие, как березки, звонкие, голосистые!

Гитара: Безотказные!

Саксофон 2: Ребята, вы новенькие?

Тромбон: Мы уже старенькие.

Гитара: Нам сказали, что будет музыка.

Тромбон: Но это балаган.

Утесов: Это вы про меня шарманку завели?

Банджо: Лёня, они по тебе ездют, как хотят!

Гитара: Зачем мы сюда пришли, Коля?

Тромбон: Только время теряем.

Гитара: В оркестре Изи платют репетиционные и любят! Вернемся.

Трубач: А вам трубачи не нужны?

Тромбон 1: Очень.

Утесов: Сыграем «Чакиту» и дорога вам скатертью! Поехали!

Утесов поет. Тромбон останавливается.

Тромбон: Я слов не слышу.

Гитара: У него нет голоса. Он когда-нибудь раньше пел?

Тромбон: В немом кино!

Гитара: Но для немом кино голос вполне себе даже годится.

Оркестр играет.

Утесов делает жест, нервически чешет за ухом.

Входит Адель с телефоном.

Адель: Вам звонок из Парижа.

Утесов: Одну секунду.

Утесов жестом останавливает оркестр, берет трубку.

Утесов: Алле, Алле, да. Это я, Утесов, да, мсье. Да, мсье!

Мы готовы выехать, мсье. Определимся с маршрутом! Париж, Мадрид, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк. Вылетаем хоть завтра, но деньги вперед. В американских долларах. Премьера программы завтра. Будет ваш агент? Мы дадим ему лучшее место! Ариведерче, мсье!

Банджо: Кто это был, Леня?

Утесов: Костя Зельман! Концертный директор Джорджа Гершвина. Мы получили приглашение выступить в Буэнос-Айрес, оттуда на пароходе в Нью-Йорк, из Нью-Йорка на самолете в Париж и еще три концерта в Мадриде! Урра, товарищи!

Все: Урра!

Трамбон: Мы были товарищами, а теперь - господа!

Гитара: Это победа.

Утесов: Собрались... с цифры четыре.

Музыканты готовятся.

Саксофон 2: Кажется, вы собирались вернуться к Изе Цымблеру?

Тромбон: Мы еще подумаем!

Утесов: С цифры 5, всем проснуться и вздрогнуть! Второй куплет! Поехали!

Оркестр играет, Утесов поет.

«Чакита»

Сцена 4.

Улица: Ловят воров, проституток, облава. Гам, шум, неразбериха. Свистки милиционеров, женские вопли, звучит коммунистический марш, на столбе высоко пролетарский трибун.

ПРОЛЕТАРСКИЙ АГИТАТОР: Кино, проституция, пошлые мелодрамки, одурманивающие спиртные напитки, вино, водка, кабаки, фокстроты, румбы и пасодобли, косметика, венерические заболевания и крикливая джазовая музыка - являются классовым оружием буржуазных капиталистов, цель которых – моральное разложение пролетариата!

Облава на проституток. На остановке трамвая стоит девушка, падает снежок.

Участковый: Девушка, пожалуйста, пройдите в автомобиль в общем порядке.

Лёля: А что здесь происходит?

Участковый: Облава на деклассированный элемент, проституток и прочую нечисть.

Лёля: По мне что, не видно, что я порядочная?

Участковый: Пройдите за нами!

Лёля: Вы не замечаете, где я стою?

Участковый: Где вы стоите?

Лёля: На трамвайной остановке. Между прочим, я приличная женщина.

Участковый: По виду не скажешь.

Лёля: Я не такая, я жду трамвая!

Участковый: Потрепанный у вас вид больно, из чего я делаю вывод, что шлюха.

Лёля: Я на заводе работаю фрезеровщицей!

Участковый: Документы.

Лёля: Они у меня дома.

Участковый: И что же нам делать?

Лёля: Проедемте ко мне домой, я предъявлю.

Участковый: Далеко отседова?

Лёля: Три остановки, а вот и трамвай!

Участковый: А у вас найдется дома пирог с капустой?

Лёля: Любое угощение, на ваше усмотрение!

Сцена 5.

Квартира Казимиры Невяровской.

Утесов и Казимира в постели, она в шубе, он в пальто.

Казимира: Я устала от холода, от зимы, хочу уехать в Европу, Лёня.

Утесов: Кто нас ждет в Европе, там на один рояль, три театральные труппы.

Казимира: К родственникам поеду, в Польшу, за границей в трубах горячая вода.

Утесов: У тебя есть брусничный чай?

Казимира: У меня нет, но есть у Лёли, я сейчас принесу.

Утесов: Горло ужасно болит, вечером выступаю с оркестром в оперетте. А где ты возьмешь кипяток?

Казимира: У Лёли все есть, любимый, она зажиточная! Работает стенографисткой в Рабкрине, и еще на улице подрабатывает.

За стенкой любят женщину, доносятся характерные звуки.

Утесов: Тебе не кажется, что ее кто-то к матрацу гвоздями прибивает?

Казимира: Привела милиционера, старается!

Утесов: Не тормози их, любовь это святое.

Казимира: Мне твоя простуда дороже!

Невяровская стучит в дверь.

Казимира: Лёля, это я, Казимира.

На пороге в исподнем появляется тот самый милиционер, который пристал к Лёле на трамвайной остановке.

Участковый: Я тебя слушаю внимательно, гражданка! Что необходимо?

Казимира: Мне необходима Лёля.

Участковый: Она измучалась и спит, ее юному организму необходимо восстановится, кстати ты тоже симпатичная.

Казимира: Я не одна, муж в комнате.

Участковый: Я тя умоляю, кого и когда это останавливало?

Казимира: У меня горло схватило, нужен брусничный чай и кипяток.

Участковый: Я не распоряжаюсь чужим имуществом, заходите завтра.

Казимира: Займите дровишек, мы разведем огонь и вам воду прокипятим!

Появляется Леля (в платке с помятым лицом, спала).

Леля: Извини, соседка, у нас дрова на переучет! Поштучно! Я в три смены за станком, что мне дровами разбрасываться.

Казимира: Одно полено, околела я.

Леля: Одно возьми.

Из двери летит полено, дверь закрывается.

Казимира: Это поражение по всем фронтам, оно сырое.

Утесов: Глотать слюну не могу, больно, водички теплой.

В дверь стучат. На пороге извозчик.

Извозчик: Можно госпожу Невяровскую?

Казимира: Слушаю вас.

Извозчик: Лазарь Вайсман, муж ея, Лёня, у вас остановился?

Казимира: Да.

Извозчик: Супруга Лазарева, Елена Осиповна, вам дровишек прислала, сказала, чтоб комнату, как следует, протопили, чаек вскипятили, передала пачку колониального чая, скажите, куда дровишки отгружать?

Казимира: В прихожей, пожалуйста.

Извозчик: Вам еще записка от жены.

Казимира: Заботливая у тебя супруга, Лёня.

Утесов разворачивает записку, читает про себя.

Казимира: Вслух!

Утесов: Я все понимаю, любимый и единственный мой, Ледечка, ты певец, человек искусства тебе нужно жить чувствами, я не в обиде на тебя. Любящая тебя, твоя жена, Ледочка.

Утесов начинает лихорадочно собираться.

Казимира: Ты куда?

Утесов: Домой.

Казимира: Понимаешь что это подлость, самое забубенное бабское коварство!

Утесов: Я все понимаю, Казимира, мне стыдно.

Казимира: Она поступила как бы возвышенно, но это гадость!

Утесов: Где мой кашне.

Казимира: Давай я тебе завяжу.

Утесов: Я сам!

Утесов пулей вылетает из квартиры Казимиры. Правый ботинок у него в руке.

Сцена 6. Концерт.

Утесов с ботинком в правой руке вылетает на эстраду, надевает.

Утесов: Друзья наш оркестр подготовил для вас несколько сюрпризов, впервые на московской сцене рапсодия американского композитора « в блюзовых тонах» Джорджа Гершвина, за роялем пианист с особой манерой Исаак Дунаевский.

Оркестр исполняет рапсодию. В финале рапсодии на сцену выходит кошка (актриса).

Кошка по авансцене из одной кулисы в другую, пытаясь привлечь к себе внимание, у нее это получается, зрители смотрят на кошку, не на оркестр.

Провал. Занавес.

Дают занавес.

Утесов: Это провал! Они не слушали оркестр, они смотрели на кошку! Они не слышали Гершвина!

Саксофон 2: Но это же кошка!

Контрабас: Живая, кошмарная кошка! Исаак Осипович, вы пианист авторитетный, заступитесь за сирот, со свету сживает, ни за что, ни про что!

Дунаевский: Животное на сцене переиграть невозможно.

Гитара: Особенно кошку.

Контрабас: Особенно такую молодую и красивую!

Кларнет: Леня отпусти, мне домой позарез надо, у меня теща рождает!

Утесов: Они смотрели на кошку, потому что вы скучные артисты, играете мимо нот, и рожи у вас постные!

Дунаевский: Что ты хорохоришься, Леня, в МХТ играл Качалов, выбежала крыса, Качалов играл как Бог, все смотрели на Крысу!

Саксофон 1: А это кошка, а не крыса, крыса - урод, а кошка загляденье!

Дунаевский: Пока крыса не ушла, публика Качалова игнорировала. Они эту крысу после всем МХТ ловили.

Барабанщик: Мы уже были на сцене, а кошку никто не ждал.

Утесов: Кошка не смотрела в ноты, у кошки грация, вы должны двигаться в такт с музыкой, танцевать, я кошкины бедра видел, а где были ваши?

Тромбон: А когда поедem в Париж?

Гитара: А когда мы полетим в Буэнос-Айрес?

Утесов: Когда концерт станет интереснее кошки!

Кларнет: Леня отпусти, мне домой позарез надо, у меня я утюг на плите оставил, пожарная команда выехала, а ну ее эту кошку, она шелудивая!

Утесов: Играете как на похоронах, ленивей даже, и противней! Вы не покойника провожаете в последний путь, а только начинаете карьеру в джазе! Домой не уйдете пока искры из музыки не посыпятся! До утра будем репетировать, потом до вечера, неделями! Я с вас сто шкур посдираю! Будете втыкать ноты, по памяти, пританцовывая. Публике нужны ваши глаза! Будете репетировать, пока не задохнетесь! (Название произведения) ... начали (название произведения), вступает сакс!

Оркестр играет.

Утесов: А ну ка всем встать

Кларнет: Что?

Утесов: Встать! Оторвали жопендели от табуретов, марксисты-куплетисты!

Все встают играют.

Из за кулис вылетает конферансье.

Конферансье: Прошла неделя упорных репетиций!

Оркестр играет.

Утесов: Да не просто стоять а двигаться, подталкивая ритм животами и бедрами, грудями подбородками и коленками! Да так, чтобы чернокожие джазмены обзавидовались вашей подвижности и грации!

Конферансье: Пятая неделя репетиций.

Оркестр играет.

Утесов: Что за постные рожи, улыбайтесь публике, в зале молодые женщины и герои труда!

Саксафон: Чем улыбаться?

Утесов: Ртом!

Саесафон: У меня во рту мундштук!

Утесов: Тогда глазами!

Кларнет: У меня на глазах очки!

Утесов: У кого очки те улыбаются лбом, шеей и ушами! И пританцовывая пожалуйста, чтобы коренные зубы видать! Ты Сережа играешь на гитаре, не стесняйся, зажигай, улыбайся ртом!

Гитарист(улыбается): Так годится?

Утесов: Молодец! Только бы еще зубы с утра с порошком почистил, чтобы сверкали как крылья чайки!

Конферансье: Седьмая неделя репетиций!

Утесов: Это будет не просто джаз, мы назовем это театральным джазом, ТЕАДЖАЗ, вот как наш коллектив будет называться! В ноты не заглядывать, играть по памяти, а то поставлю к стенке и расстреляю, Моня ты первый! Не коси глазом в партитуру, ленивая сволочь, тренируй память, в свободное время.

Моня: Откуда свободное время, я три месяца в кинe ни разу не был.

Утесов: Танцуйте, царапайте публику музыкой, флиртуйте, крутите жопами, как заводные, дарите людям радость бытия, в ТЕАДЖАЗЕ не отработывают, а умирают на работе! Вы не у станка деталь точите! Молодцы, это уже не дурно!

Конферансье: Первый гастрольный тур! Второй, третий! Феерический успех Утесовского Теаджаза.

Кларнет: Ленинград!

Труба: Одесса!

Барабан: Калинин!

Саксафон: Барнаул!

Гитара: Сталинобад!

Бас: Ашхабад!

Утесов: И снова Москва!

Сцена 9. «Московская партконференция».

Сотрудник аппарата Петров: Товарищи участники партийной конференции. Мы получили письмо от работников сцены, они обращаются к нам с наболевшим вопросом, далее я читаю. Почему артист без красивых вокальных данных, блатной из Одессы, сипатый от рождения, с невыразительным лицом, имеет огромную популярность в СССР, в то время как мы, вокалисты с удивительными голосами, не имеем абсолютно никакой популярности, билеты на нас не продаются! Мы не имеем сотой доли популярности сипатого халтурщика и выскочки, по имени Лазарь Вайсбейн, подло спрятавшегося под красивым псевдонимом Утесов. Мы просим вас, товарищи коммунисты, разобраться и навести надлежащий образцовый честный порядок! Коммунизм - это общество всеобщей справедливости!

Партактивистка: Есть предложение создать комиссию по голосу Утесова и разобраться в причинах нездоровой популярности музыкального авантюриста!

Коммунист 2: Пусть ответит перед партией и народом!

Коммунист 3: На ковер!

Коммунист 1: Кто за?

Коммунист 3: Единогласно!

Перед партийной комиссией появляется Утесов.

Коммунист 1: Товарищ Утесов, как вы думаете, в чем причина вашей дешевой популярности?

Коммунист 3: Из-за вашей популярности хорошие артисты остаются, в тени.

Коммунист 4: Ни один артист в СССР не дает такой огромной тени.

Коммунист 1: Имейте совесть, вы гражданин СССР, а не пирамидальный тополь!

Коммунист 2: Способные, талантливые люди замерзают в этой тени.

Коммунист 3: Их кожа покрывается цыпками.

Коммунист 4: Гусиной кожей.

Коммунист 1: Синеет.

Коммунист 2: Отвечайте, не молчите!

Коммунист 3: Работают все стенографистки и машинистки Советского Союза!

Коммунист 4: Мы отправим доклад товарищу Сталину!

Коммунист 1: Товарищам из госбезопасности это тоже очень интересно!

Коммунист 2: Вы используете еще что-то помимо голосовых связок?

Утесов: Да.

Коммунист 1: Что?

Утесов: Сердце. Я пою сердцем.

Коммунист: У сердца нет голосовых связок!

Утесов: У моего сердца есть.

Коммунист: То есть вы чудо-человек, шаман, волшебник, феномен природы?

Утесов: Да.

Коммунист 3: Это антинаучно!

Коммунист 4: Он издевается над нами!

Коммунист 1: Шарлатан от музыки!

Коммунист 2: Ревизионист!

Утесов: Я настаиваю на проведении медицинского научного эксперимента! Заклейте мне пластырем рот! И при помощи обычного медицинского стетоскопа, вы услышите, как поет мое сердце!

Коммунист 1: Что вы скажете товарищи?

Коммунист 2: Так и сделаем, как он просит, заклеим ему рот пластырем, а медицинский стетоскоп соединим с микрофоном.

Утесов: Одно но: для эксперимента понадобится оркестр. Мой ТЕАДЖАЗ! Мое сердце привыкло петь под талантливый аккомпанемент!

Коммунист: Карл Маркс научно доказал, что практика есть критерий истины.

Коммунист 1: Хорошо, мы проведем эксперимент! Мы узнаем, поет ли ваше сердце или вы нам баки водой заливаете.

Сцена 10.

Акустическая лаборатория.

Оркестр, группа коммунистов, доктор со стетоскопом, микрофон.

Коммунист 1: Господа оркестр готов?

Дирижер: Да!

Коммунист 2: Стетоскоп, микрофон?

Дирижер: Да!

Коммунист: Приступаем к закрытому секретному эксперименту.

Дирижер: Оркестр готов!

Коммунист 3: Аферист, извините, артист к эксперименту готов!

Коммунист 2: Приступаем!

Коммунист 1: Форма одежды номер два голый торс.

Утесов снимает пиджак и рубашку, бросает на стул.

Остается по пояс обнаженным.

Коммунист: Испытуемый, подойдите к научному прибору.

Утесов по пояс голый, перед ним микрофон.

Походит партиец (коммунист 2), заклеивает Утесову рот пластырем. Приносят микрофон на стойке, направляют микрофон в сторону сердца.

Коммунист 3: Готово.

Коммунист 1: Начинаем.

Утесов дает знак, оркестр вступает.

Оркестр вступает.

Партийцы (и зритель в театре) слышат, как поет сердце.

Утесов поет. (*Лирическая песня о любви, на выбор дирижера, режиссера, например «У черного моря»*).

Коммунист 1: Это чудо!

Коммунист 2: Сердце поет.

Коммунист 3: Это, безусловно, песня.

Коммунист 4: Уверены, что это поет сердце?

Вдруг Утесов резким жестом срывает пластырь со рта.

Утесов: Ося, откуда здесь нижнее до? Ты портишь лирическую музыку, лишними нотами, у тебя пальцы на руках или сардельки? Моня, я пою о любви, а ты думаешь о том, что потолок мокрый и сволочь сосед квартиру затопил. Ты должен умирать в любовной истоме! Снимем мы тебе другую квартиру!

Коммунист 3: Он сорвал Эксперимент!

Коммунист 1: Он пел сердцем, пел!

Коммунистка: Я почувствовала томление в груди!

Коммунист 1:левой или правой?

Коммунист 2: Он сорвал эксперимент. Предлагаю признать Утесова безголосым, эксперимент засекретить, и отчет положить на стол товарищу Сталину! Артист Утесов это непонятно что! Кот в мешке! Кто за? Голосуйте товарищи!

Коммунисты в единодушном порыве поднимают руки. Они за!

Сцена 11. Гостиная в доме Утесовых.

Эдит: Па, как он музицирует!

Утесов: Кто?

Эдит: Дуня

Утесов: Дунаевский, Эдиточка, Дуней Дунаевского имею право называть я один.

Эдит: Но Дуня - это так нежно!

Утесов: Ты что, втрескалась?

Эдит: Нет.

Утесов: Тебе 17, он в два раза старше тебя, найди себе мальчика из школы.

Эдит: Он прикасается пальцами к музыке.

Утесов: А я?

Эдит: А ты - к клавишам. Дуня - Гений!

Утесов: Оторви его от инструмента, нам нужно поговорить, скажи, я в кабинете жду.

Эдит: Он сочиняет, его беспокоить нельзя.

Утесов:

Эдит: Хорошо оторву!

Эдит уходит, входит Елена Осиповна

Елена: Кто играет?

Утесов: Дуня.

Елена: Красиво, а ты что такой злой, Ледя, что случилось?

Утесов: Утром был один дома, звонят в дверь, открываю: на пороге женщина с ребенком, оба исхудавшие до кости, ребенок еле живой, хлебушка просят, я дал хлеба, поговорил, голод сильный на Украине, на Кавказе, голодающие едут в Москву, ходят по домам, попрошайничают. Настроение улетело, вечером концерт..., читать репризы, развлекать народ, веселые песни петь!

Елена: Улыбнись, милый.

Утесов: Я столько лет мечтал о звуковом кино, режиссером взяли Александрова, тридцатилетнего мальчишку.

Елена: Он с Эйзенштейном работал.

Утесов: У него нет ни одной картины, Коля написал роль домработницы Дуняши для 18 летней актрисы, он утвердил на роль взрослую мадам тридцати двух лет.

Елена: Как зовут?

Утесов: Любовь Орлова.

Елена: Не слышала раньше.

Утесов: Она старая для этой роли, Лена, она старая корова! Я плачу, Коля Эрдман рыдает, надо переписывать половину сцен. Я ее видел - это кормящая мать троих детей!

Елена: Нельзя жить с таким настроением.

Утесов: Две недели мучаемся с Дуней, не можем простенькую песенку для танчика сочинить.

Елена: А что за песенка, что за танец?

Утесов: Слова простенькие... тюх, тюх, тюх, тю, упа-умпа-умпа-умпа, разгорелся наш уют, слышишь, перебирает клавиши, ищет мелодию!

Елена: Гениальные стихи. Пушкин почернел бы от зависти.

Утесов: Помер, Слава Богу, не услышит. А ты где ходила?

Елена: Одежонки тебе прикупила, на юг тебя собираю, к морю, померяешь?

Утесов: Не сейчас, потом.

Елена: Рубашка модная, она тебе настроение поднимет.

Утесов: Уйдет Дуня, померяем.

Елена: Мне его точка зрения тоже интересна.

Утесов: На что, Лен?

Елена: На рубашку.

Утесов: Государство хлеб за границу продает, чтобы взять кредиты на индустриализацию, заводы хотят строить, валюта нужна станки покупать, инженеров. Зерно - твердая валюта, вот поэтому они зерно изымают у крестьянства.

Елена: Примерь, Леда!

Утесов: С чего это ты взяла, что рубашка поднимет мне настроение?

Елена: У нее расцветочка веселая! Развернешь, узнаешь.

Утесов: Ну, хорошо, пойдем, примерим.

Сцена 12. Кабинет (комната) в квартире Утесова.

Эдит стоит у рояля слушает, Дунаевский музицирует.

Эдит: Какая прекрасная мелодия

Дунаевский: Это не мелодия.

Эдит: А что?

Дунаевский: Это дождик. За окном солнце, а я играю дождь.

Эдит: А что еще можете сыграть?

Дунаевский: Все.

Эдит: А лошадь можете сыграть?
Дунаевский: Ну конечно (*играет*).
Эдит: А завод?
Дунаевский: Легко (*играет*).
Эдит: А речной трамвай?
Дунаевский: Легко (*играет*).
Эдит: А влюбленность.
Дунаевский: Вот ... (*играет*)
Эдит: А мое имя, Исаак Осипович, сможете сыграть?
Дунаевский: Слушай. (*играет*)
Эдит: Красиво, Исаак Осипович.
Дунаевский: Исаак Осипович, это очень противно звучит. Зови меня просто Дуня.
Эдит: Я бы с радостью, мне отец не разрешает.
Дунаевский: Почему?
Эдит: Он считает, что фамильярно, я еще в школе учусь.
Дунаевский: Отец войдет в кабинет – я Исаак Осипович, а выйдет - Дуня. Договорились?
Эдит: Нет, я так не могу, я в заговоры против отца вступать не стану.
Дунаевский: Гимназистка ты, Эдитка.
Эдит: Гимназистки были при царе.
Дунаевский: Гимназистки были, есть и будут.
Эдит: Можно я поглажу вас по вашей лысой гениальной голове?
Дунаевский: Зачем?
Эдит: Я ее люблю.
Дунаевский: Мою голову?
Эдит: Да. В ней рождается гениальная музыка.
Дунаевский: Подумай, как это будет выглядеть со стороны: молоденькая гимназистка гладит старого лысого дядьку по голове.
Эдит: Вы юный совсем, вам всего тридцать четыре!
Дунаевский: Ладно погладь мою плешку, может мелодия придет?
Эдит: Я передумала, это амикошонство, это слишком!
Дунаевский: Страшно?
Эдит: Очень!
Дунаевский (наигрывает): Стоняй на кухню, принеси мне холодного чая, он на подоконнике остывает.

Дверь открывается. Входят Утесов и Елена Осиповна. На Утесове огромная пестрая рубашка, коротенькие смешные штаны и огромные ботинки, явно не по размеру.

Утесов: У меня обновочка, не хотите полюбоваться, люди добрые? Леночка прикупила рубашку, штаны и ботинки.

Дунаевский: А что, Лёню в цирк пригласили работать?

Елена: Эта рубашка не для того, чтобы ее носить.

Дунаевский: А зачем, Лена?

Утесов: Полы мыть в Моссовете!

Елена: Для поднятия настроения.

Эдит: Па, тебе идет! Цветы какие красивые! *(на рубашке)*.

Дунаевский: Может, попробуешь себя в клоунаде, Лёня?

Утесов: С такой-то женой затейницей прямая дорога в коверные, на арену! В балаган!

Елена: А по-моему очень весело!

Утесов: Ты могла и слона из зоопарка привести, когда слона вижу, у меня настроение ментально прыгает!

Елена: Я интересовалась в зоопарке, слон - это неподъемно для семейного бюджета.

Утесов: А рубашка тоже, поди, не дешевая!

Елена: Дешевая, всего два рубля, она ношенная! Я ее на рынке купила, у бабушек.

Утесов: Но она хоть стиранная? Вшей нет, смотрела?

Елена: Про вшей не знаю, я очки дома забыла, рассмотреть не могла!

Дунаевский: Штаны изумительные!

Утесов: Почтаники!

Эдит: Если подрезать чуть-чуть, будут хорошие пионерские шорты.

Елена: Диточка, наш папа в кино собирается сниматься в Гаграх, там жарко!

Эдит: В «Веселых ребятах»?

Утесов: В очень веселых ребятах. Спасибо, Леночка, ты заботливая жена... и полюбуйтесь пляжные ботинки, на пять размеров больше.

Дунаевский: В Гаграх каменный пляж, зато ступать по камешкам не больно.

Утесов: А почему они на меху?

Елена: Мало ли захочешь искупаться ночью, ночью на море ноги мерзнут!

Утесов: Спасибо, Леночка, буду ходить в твоих ботинках на пляж загорать...по ночам.

Елена: Я старалась.

Утесов: А что отдыхающие скажут?

Дунаевский: Художник имеет право на экстравагантность.

Эдит: Исаак Осипович, а вы не могли бы сыграть папину рубашку?

Утесов: Как это сыграть папину рубашку?

Дунаевский: Легко (*играет*).

Эдит: А штаны?

Дунаевский: Легко! (*наигрывает*)

Утесов: Вот она, вот она мелодия, это то, что нужно, Дуня, то, что мы ищем и найти! Тюх-тюх! Это Тюх-тюх!

Дунаевский: Годится! Где слова песни! Вот! (*ставит на подставку для нот слова песни*).

Утесов: Тюк-тюк, разгорелся наш утюг!!!! Все точно совпадает так в такт!

Дунаевский играет, Утесов берет листок со словами песни с рояля, (пианино), поет.

Тюх, тюх, тюх, тюх...

Разгорелся наш утюг...

Ты влюбился, промахнулся,

Встретил дамочку не ту,

Огорчился, оглянулся

И увидел красоту.

Сцена 13.

Мы оказываемся на съемочной площадке в Гаграх.

Выходит оркестр играет Тюх-тюх.

Артисты исполняют хореографический номер из фильма.

Александров: С левой ноги начали и левой закончили. Мы пять раз репетировали.

Орлова: Мы устали.

Александров: Спасибо, снято, и так сгодится.

К Александрову подходит Утесов.

Утесов: Гриша, я так подумал, мою песню надо переснять.

Александров: Что за песню?

Утесов: «Любовь нечаянно нагрянет».

Александров: А что тебе Леня не нравится?

Утесов: Все.

Александров: Мы ее еще в прояску не отдали, ее еще никто не видел.

Утесов: Я видел, как ты снимаешь песню Любы.

Александров: И что?

Утесов: Люба поет на камеру, ее глаза видны, а я пою куда-то в сторону. Как собака на Луну вою, ты снимал только мой профиль.

Александров: У тебя красивый профиль, Лёня.

Александров: Не морочь мне голову, у тебя с Любой красивый роман.

Александров: И что?

Утесов: А то, что главная роль у меня, меня ты двигаешь к фонтану, а Орлову выводишь на первую линию, поэтому ее глаза видны! А мои нет.

Александров: У тебя, Леня, воображение разыгралось.

Утесов: Я хочу перепеть в кадре... «любовь нечаянно нагрянет».

Александров: Хорошо, как скажешь, переснимем.

Утесов: Я хочу, чтобы видно было мое лицо, мои глаза!

Александров: Переснимем.

Утесов: Как-то ты это грустно сказал, Гриша, без настроения.

Александров: Что веселится, сегодня ночью наших драматургов арестовали Колю Эрдмана и Володю Масса.

Утесов: За что арестовали?

Александров(группе в рупор): Передвигаемся!

Утесов: Как это арестовали, за что?

Александров: Никто не знает, но когда-нибудь мы узнаем.

Девушка: Григорий Александрович, давайте отпустим группу на обед, люди одиннадцать часов к ряду работали, все голодные, как звери.

Александров: Обед, потом переезжаем. А ты, Леня, пока покушай, отдохни. Отдохни, поспи. Не переживай, переснимем сцену! *(На натуре, в павильоне, технический вопрос, определить: ПГ)*

Сцена 14.

Выход Аделии.

Аделия: «Сон Утесова. N1».

Утёсов спит (на берегу моря, рядом пепелище остывшего костра, посуда). Появляется

Иосиф Сталин

Сталин: Здравствуй, Лёня

Утесов: Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

Сталин: Возьми меня в свой оркестр.

Утесов: Вы играть не умеете на муз. инструментах и нот не знаете.

Сталин: Я не хочу на муз. инструментах, я на барабанах хочу!

Утесов: У нас есть барабанщик.

Сталин: Мы его в командировку отправим в Минеральные воды, участковым.

Утесов: А зачем вам, Иосиф Виссарионович?

Сталин: Никому не скажешь?

Утесов: Нет.

Сталин: Я джаз люблю.

Утесов: Но это же американская музыка, она чужда советскому человеку.

Сталин: Что значит американская музыка? Джаз появился в Грузии, в Шида-Картли, в Гори, на моей исторической Родине. Что у тебя в кастрюле?

Утесов: Был борщ.

Сталин: А сейчас?

Утесов: Ничего.

Сталин: Дай мне кастрюлю, послушай!

Сталин садится на стул, зажимает кастрюлю между ног и начинает выбивать на грузинский манер. От национальных ритмов переходит к синкопированному джазовому равному ритму.

Сталин: Ну, что скажешь?

Утесов: Неплохо. Только джаз, товарищ Сталин, появился не в Грузии, а в Одессе, за двести лет, в 1865 году. Родители подарили Осе Кацману скрипочку, и он играл на ней вот так. *(Показывает)* Потом вот так. А потом вот так, так...

Джаз родился в Одессе, за 200 лет до того, как Ришелье поставили памятник!

Сталин: Ты что, биндюжник, спорить со мной собрался?

Утесов: Нет, товарищ Сталин.

Сталин: Где родился джаз?

Утесов: В Грузии.

Сталин: Правильно.

Утесов: Но родиной джаза является Одесса.

Сталин: Перестань жульничать, Лёня, ты не на Привозе, знаешь, как звали первого джазового барабанщика?

Утесов: Марик Боренбойм!

Сталин: Его звали Арчил Гаприндашвили.

Утесов: Хорошо, Иосиф Виссарионович, приходите, репетировать будем.

Сталин: Нет, лучше вы к нам.

Утесов: Это куда?

Сталин: В Кремль. Будем в Спасской башне репетировать, прямо в часах, в Кремлевских курантах.

Утесов: Зачем?

Сталин: Чтобы метроном не покупать. Часы будут отсчитывать ритм. Тик-так-тик-так! Я буду играть на барабанах, ты на трубе. Дуэт. По рукам?

Утесов: По рукам Иосиф Виссарионович!

Сталин: Репетировать будем ночью. В три ночи приходи к Спасской башне, я отдам распоряжение коменданту Кремля купить барабаны.

Утесов: До свиданья, Иосиф Виссарионович!

Сталин: Почему зовешь меня по имени отчеству, зови меня просто Иосиф или Йосиф, или как мама - Ося. Так даже лучше, как мама.

Утесов: Мне как-то неловко, вы отец народов, глава партии.

Сталин: Леня, перестань валять дурака, мы богема, работники искусства. Тебя твои музыканты зовут по имени отчеству?

Утесов: Нет.

Сталин: Тогда в чем дело? Скажи... Ося.

Утесов: Ося.

Сталин: А ты способный!

Утесов: Я не привык репетировать ночью.

Сталин: Ночью лучше. Привыкнешь, даже понравится. Вот увидишь!

Сцена 15. Квартира Утесова. Комната в гостиной.

Елена: За что Колю Эрдмана арестовали?

Утесов: Леночка, не забудь поставить на стол цветы, ты купила цветы?

Елена: Коля неудачно пошутил?

Утесов: За стишок! Качалов прочитал этот проклятый стишок на кремлевской вечеринке.

Елена: Прочитай.

Утесов: Мы обновляем быт
И все его детали...
«Рояль был весь раскрыт,
И струны в нем дрожали...»
– Чего дрожите вы? –
спросили у страдальцев
Игравшие сонату десять пальцев.

– Нам нестерпим такой режим –
Вы бьете нас,
а мы дрожим!..

А Сталин послушал и говорит: кто написал эти хулиганские стишки?

А Качалов ему: Николай Эрдман.

Вот и все! Три года колонии строго режима.

Входят Дунаевский и Эдита.

Эдит: Все готово, осталось порезать хлеб.

Дунаевский: Плакат видел?

Утесов: Какой плакат?

Дунаевский: Плакат фильма, посмотри!

Эдит: С курьером доставили.

Утесов разворачивает плакат фильма. На плакате крупно лицо Орловой. Утесова на плакате нет.

Утесов: Вот это номер, Орлова на плакате есть, а Утесова нет.

Дунаевский: И что?

Утесов: Не морочь голову, Дуня, ... что и что?

Дунаевский: И что такого?

Утесов: Ты сам не понимаешь?

Дунаевский: Что я должен понять?

Утесов: Ты издеваешься?

Дунаевский: Я искренне спрашиваю... и что? Это плакат, это лицо актрисы Орловой... фильм «Веселые ребята». Шрифт крупный, разборчивый, читается хорошо.

Утесов: Меня на плакате нет, тираж полмиллиона экземпляров.

Дунаевский: Но моего лица на плакате тоже нет.

Утесов: Ты композитор!

Дунаевский: Моя музыка сделала картину, на плакате нет моего лица, но я не лью крокодильи слезы.

Утесов: Я придумал фильм, у меня больше экранного времени, но главная роль оказалась у Орловой, ты понимаешь, что они сделали? Это был мой фильм, а стал ее!

Дунаевский: И что?

Утесов: Что и что? Меня ограбили! Меня и мой оркестр! Тонкая работа! Карманники!

Дунаевский: И что?

Утесов: Что ты заладил и что, что?

Эдит: Зато фильм получился хороший.

Утесов: Какое хороший, ты читал, что пишут газеты, фильм не выпускают в прокат!

Эдит: У нас сегодня праздник, день рождения, па, можно о хорошем?!

Утесов: Нельзя, Лена, прочитай из газет то, что я карандашом подчеркнул.

Елена: Может не надо?

Утесов: Надо, слушайте!

Елена: Фальшивая, легковесная картина, фильм контрреволюционный, хулиганский, это не музыканты, не оркестр - это пьяное стадо, ужасающая сцена драки, пьяная свалка, побоище в кабаке, это не кинематограф, это хуже, чем кабак, фильм проповедует смехотворство, развлекательство, лимонадную идеологию.

Утесов: Он загубил картину! Прекрасный джазовый оркестр превратили в дешевый балаган, ни стиля, ни элегантности, я был против сцены драки, это вакханалия! «Репертком» остановил тиражирование фильма и запретил к показу. Лимонадное кино! Посмешище!

Дунаевский: И что?

Утесов: Что и что?

Дунаевский: Зачем так нервничать, если картину запретили к показу, никто этот плакат никогда не увидит!!!

Утесов: Ося, я сейчас пойду к соседу, генералу Постнову, принесу наган и убью тебя пулей в сердце! Мне не нравится твой юмор.

Елена: Одесситу не нравится юмор - вот это настоящее горе!

Эдит: Па, стоит ли убивать гениального композитора из-за плохого кина?

Дунаевский: Нервы у тебя, Леда, бегут впереди паровоза!

Звонят в дверь.

Эдит: К нам гости, па.

Утесов: Кто?

Дунаевский: Враги.

Утесов: Какие еще враги?

Эдит: Александров и Орлова.

Утесов: А мы их не звали!

Эдит: Я пригласила!

Утесов: Зачем?

Эдит: На день рождения.

Утесов: А меня спросили?

Елена: Хорошо бы вам с Гришей помириться, па!

Утесов: Ты меня спросила, хочу ли я?

Эдит: Я посоветовалась с мамой, и Гриша не против!

Елена: Дочка права. Мы все люди.

Утесов: И что?

Дунаевский: Что и что?

Утесов: Что из того, что все мы люди?!

Эдит: Все, из этого следует абсолютно все!

Входят Орлова и Александров.

Александров: Добрый вечер!

Эдит: Мы очень рады вас видеть, проходите, почувствуйте себя, как дома!

Орлова: Спасибо, как у вас мило, уютно!

Александров: Эдиточка умолчала о том, чей день рожденья!

Орлова: Подарки есть, а кого поздравлять не знаем!

Александров (*достаёт из-за спины букет*): А вот и цветы.

Орлова: Кому отдать, у Елены Осиповны день рождения?

Утесов: Нет.

Эдит: Если секрет, попробуйте угадайте!

Елена: Подсказка... именинника в доме нет.

Орлова: Но он придет?

Утесов: Нет.

Елена: Еще подсказка... мы не наш, мы чужой день рождения празднуем и это великий человек с мировым именем!

Александров: Карла Маркса?

Эдит: Тепло.

Орлова: Людовика Шестнадцатого?

Утесов: Холодно.

Александров: Думай голова, думай! Смотри-ка, стол накрыт по-царски!

Орлова: Так чей же это день рождения?

Утесов: Чтобы такой мощный режиссер сдался, скипс...

Дунаевский: Культурные люди и не знают, чей сегодня день рождения!!!

Елена: Позор!!!

Утесов: Стыдобища!

Дунаевский: Киношники, что с них возьмешь?!

Утесов: Дикари.

Дунаевский: Технари!

Александров: Сдаемся!

Елена: Мы празднуем день рождения Марка Твена.

Орлова: Шутите, Леночка?

Елена: Святая правда!

Эдит: Мы каждый год празднуем день рождения Марка Твена.

Утесов: Вот портрет на стене?

Елена: На стене отрывной календарь, посмотрите.

Александров (*подходит к отрывному календарю*): Точно, сегодня родился Марк Твен.

Орлова: А как же ему вручить подарок?

Эдит: Все подарки Марка Твена отдайте мне, он мой любимый писатель... с детства!

Елена: Присаживайтесь, гости дорогие.

Утесов: Ну что, давайте выпьем за Марка Твеновича.

Орлова подходит к плакату фильма, берет в руки, разворачивает.

Орлова: Боже, какое уродство. Это я?

Утесов: Там большими буквами написано... Любовь Орлова.

Орлова: Кто это напечатал, Гриша? Лицо, как у лошади, это моя челюсть? Это мои зубы?

Это глаза или что?

Утесов: Это или что!

Александров: Хороший плакат, мне нравится.

Орлова: Я себя не узнаю

Утесов: А меня узнаешь, Люба?

Орлова: Где ты?

Утесов: Посмотри на обороте!

Орлова переворачивает плакат. Смотрит.

Орлова: Не вижу.

Утесов: Кто-нибудь видит?

Эдит: Мы не видим.

Елена: Наверное, выгорел на солнце!

Орлова: Где еще посмотреть?

Утесов: Сверни плакат трубочкой.

Орлова сворачивает плакат трубочкой.

Орлова: Готово.

Утесов: Глянь.

Орлова смотрит в плакат, как в подзорную трубу, на Утесова.

Орлова: Вижу, есть! Леонид Утесов!

Утесов: Это подлинник, это не печать!

Орлова: Тебе повезло, тебя не напечатали!

Александров: Не я заказывал плакат

Утесов (*зло*): Кто?

Александров: Отдел пропаганды и рекламы!

Утесов: Гриша, не скользи, это ты заказывал плакат! Ты подписал к печати!

Александров: Ну, я. Ну и что?

Утесов: Что ну и что? Где мое лицо?

Александров: Зачем тебе лицо на плакате, ты знаменитый Утесов, тебя все знают, это у Любы премьеры, у нее первая роль в кино!

Орлова: Тираж надо сжечь.

Александров: Напечатано на гос. деньги, нас посадят как вредителей!

Елена: У меня есть тост, давайте выпьем за Гекельберифина!

Дунаевский: Давайте за Гекельбери финов.

Орлова: А это кто?

Дунаевский: Американцы, которые живут в Финляндии!

Елена: За финнов из города Гекельбери!

Эдит: Ура!

Выпивают.

Александров: Какая разница, есть ты на плакате или нет. Картина, скорее всего, не выйдет в прокат, картину запросил венецианский фестиваль, «Репертком» разрешил вывезти только половину картины!

Орлова: Бог с ним с плакатом, надо спасти картину!

Утесов: Не надо!

Елена: Картина хорошая, мне понравилась.

Александров: Очень хорошая!

Утесов: Плохая, ты провалил фильм!

Александров: Марку Твену Веселые ребята понравились бы!

Елена: Он любил юмор!

Утесов: Я не смеюсь, я плачу!

Александров: Я договорился с Горьким, он устроит показ на даче, нашей картины,

Утесов: Горький ненавидит джаз!

Александров: Рискнем, Константинович заводной мужик, с юмором дружит, пообещал мне пригласить на просмотр Сталина.

Елена: А если им обоим не понравится?

Александров: Вы что, хотите сказать, что у Сталина нет юмора?

Дунаевский: У Иосифа Виссарионовича, потрясающее чувство юмора!

Утесов: Прекрасно, они запретят картину, закроют, и никто никогда не увидит это смешное посмешище, позорище!

Александров: Позорище, потому, что тебя не напечатали с обратной стороны плаката, поэтому?

Эдит: Именинник загрустил! Друзья, давайте за Марка Твена!

Орлова: Вздоргнем! Наливайте, Исаак Осипович!

Дунаевский: За Марка!

Елена: За Марка Твена!

Эдит: За Фегель-егерь-финна!

Орлова: За нашу картину!

Эдит: За «Весёлых ребят».

Елена: За самых веселых ребят на свете!

Александров: Я снял великий фильм, время все расставит на свои места!

Утесов: Знаешь, что сказал Довженко, на собрании кинематографистов? Что всю киногруппу во главе с Александровым надо одеть в кандалы и отправить в Сибирь! По этапу!

Лимонадное кино! Раздавались так же голоса за то, чтобы расстрелять!

Эдит: Какие же злые работники культуры!

Орлова: *Какая у нас очень кровожадная интеллигенция!*

Эдит: *Папа, молчи, ничего не говори!*

Утесов (Александрову): *Ты украл у меня картину! Я не прощу тебя никогда!*

Александров: *Если бы не я снял этот фильм, а режиссер Пустоголов, у тебя на концерте было три с половиной глухих калеки, ты бы с голоду умер, по миру с шапкой пошел!*

Утесов: *Ты режиссер так себе, на подхвате, типа форточника, украл пол картины у американских империалистов, зазевались растяпы, их бы к нам на привоз!*

Александров: *Чтоб тебя всю жизнь, с твоим оркестром, как покаканное говно мотало по Мухосранскам и Носопырловкам, чтоб ты сгнил на гастролях в глухой, азохен вэй, советской провинции!*

Утесов: *Чтоб ты за Чаликом Чаплиным всю жизнь тросточку носил и шляпу и собачку его выгуливал и за его бабами страусиные боа носил!*

Эдит: *Папа!*

Александров: *Чтоб тебя не выпускал Госконцерт ни на миллиметр южнее Северного полярного круга! Чтоб ты концерттировал со своим оголтелым джазвертепом на Северном полюсе, на льдине пел белым медведям одесский блатняк.*

Елена: *Друзья, аккуратнее в выражениях! Слова имеют обыкновение сбываться!*

Сцена 17.

Оркестр Утесова в самолете. В полете.

У самолета выбиты иллюминаторы, все в тулупах, воротники подняты, поверх воротников шарфы, на лице иней, шарфики развиваются на ветру.

Все в варежках шапки завязаны наглухо.

Саксофон: Куда летим?

Гитара: На север.

Эдит: А где играть будем?

Аккордеон: На льдине!

Пианист: И что даже клуба нет?

Саксафон: Ледяное поле! Арктика.

Пианист: За что нам такое?

Саксафон: Нас Гриша Александров проклял.

Пианист: Ты серьезно?

Аккордеон: Не шучу. Ледя, я не в авторите, скажи где выступать будем?

Утесов: На льдине!

Аккордеон: Перед кем?

Утесов: Перед белыми медведями.

Аккордеон: Они что понимают в джазе?

Утесов: Разбираются, лучше чем некоторые люди.

Саксафон: Охотно верю, у меня собака была, она Гершвина понимала, а сосед нет!

Аккордеон: Азохен вей, как холодно, я погибаю. Закройте окна!

Барабаны: Это называется иллюминаторы, они не закрываются, поломались!

Саксофон: А Люба Орлова с Гришей Александровым сейчас в Лос-Анжелесе, в гостях у Чарли Чаплина, жарятся на солнышке, купаются в океане, омаров шампанским запивают.

Гитара: Киношники, суки!

Барабаны: Леня, у «Веселых ребят» такой успех! Калинин Александрову орден дал Красного Знамени за преодоление всех трудностей кинокомедии, квартиру, машины ему и Орловой, а тебе фотоаппарат подарили. Где справедливость? Это что такое?

Саксофон: Страна гремит, ни в одной газете про наш оркестр ни слова!

Утесов: Если бы не картина, у нас бы не было такой популярности, летели бы мы сейчас на северный полюс, к белым медведям, подумай! Голова на плечах есть?

Гитара: Дома бы сидели, чай с баранками пили.

Аккордеон: А когда мы полетим в Буэнос-Айрес?

Тромбон: А в Барселону?

Утесов: Выступим перед медведями и прямым в Буэнос-Айрес!

Гитара: На оленьих упряжках!

Тромбон: А за бортом сколько?

Аккордеон: Минус сорок.

Утесов: Давайте, согреемся, разомнемся, порепетируем немного.

Саксофон: Двигатели шумят, не слышно ничего!

Гитара: Ветер воет!

Утесов: Нормально, ребята, чуть погромче сыграем.

Адель(администратор): Репетиция!

Утесов: Что-нибудь веселенькое.

Эдит: Блатняк.

Утесов: «Лимончики!» Приготовились. Начали!

Оркестр играет, Утесов поет.

Утесов: Коля, Сеня развяжите шапки, вы же музыки не слышите, Моня, где это было видно, чтобы на скрипочке играли в варежках, ну в перчатках я еще понимаю.

Скрипка: Мы достигли такого мастерства, Ленья, что и варежках зараз сыграем, а если совсем промерзнем, валенки на руки оденем и все равно, сыграем, как Боги!

Из кабины выходит пилот.

Пилот: Радист перехватил радиogramму от челюскинцев, дрейфуют на льдине на Юго-Запад. Совесткое правительство приказало Утесовцам лететь на льдину к героям полярникам и петь блатняк!

Аккордеон: А что именно?

Пилот(смотрит в телеграмму): «С одесского кичмана», «Лимончики», «Бублики», «Гоп со смыком».

Утесов: Полетели, ребята?

Оркестр (осипшими голосами): Полетели!

Утесов: Как тебя зовут, командир?

Пилот: Ляпидиевский я.

Утесов: Заметано, Ляпидиевский, летим к челюскинцам на льдину!

Скрипка: А там у челюскинцев на льдине белые медведи есть?

Ляпидиевский: Как грязи! И медведи и медведицы и медвежата. Полный комплект!

Сцена 18. Лос-Анжелес. Светский прием.

Чаплин: Ваши «Веселые ребята» это настоящая комедия, несомненная удача, я посмеялся от всей души!

Александров: Спасибо, Чарли!

Орлова: Спасибо, Чаплин.

Чаплин: Именно таким и должно быть настоящее пролетарское кино: честным, озорным, беспощадным!

Орлова: Мы старались, Чарли!

Чаплин: Фильм шикарный! Здорово вы пропесочили, зарождающийся класс партийного мещанства, коммунистов-перерожденцев!

Александров: Не для того мы совершали революцию, товарищ Чарли Чаплин, чтобы партийцы ездили на дорогих автомобилях и содержали прислугу!

Орлова: А для того, чтобы простые пастухи становились Моцартами!

Чаплин: Что вы такое говорите, я сам из народа, из Лондонской бедноты! К несчастью, я стал миллионером, и на меня налипло много чего ненужного и гнилого, но я не оставляю мечты полностью разориться и слиться в едином порыве с рабочим классом!

Александров: Это благородно, Чарли!

Чаплин: Возьмите пожалуйста мой котелок и тросточку.

Александров: А зачем?

Чаплин: Будете носить за мной.

Александров: Для меня, Чарли, это огромная честь.

Орлова: Нам, большевикам, надо решительно освободиться от попутчиков, но начинать надо со здоровой критики.

Чаплин: Вы прекрасно сыграли, Любаша, вы настоящая пролетарская кинозвезда.

Чаплин: Гриша, вы не видите, что у мисс Розенфельд страусинное боа волочится по полу.

Александров: Вижу.

Чаплин: Так возьмите боа в руки и носите, иначе оно из белого станет серым!

Орлова: Меня и Гришу упрекали в том, что мы подражаем американцам, что я в кадре, чистая американка, это неправда, мы, советские люди, не любим американский кинематограф.

Чаплин: Потому, что цель американского кино - есть усиление эксплуатации рабочего класса!

Александров: Я не люблю американское кино, здесь все артисты миллионеры.

Чаплин: А что миллионер может рассказать простому народу - ничего, в Америке все пропитано страстью к наживе.

Мужчина во фраке: Господа, сенсация!

Женщина в вечернем платье: Джаз Утесова выступает в Арктике на льдине перед погибающей экспедицией Челюскинцев и белыми медведями.

Мужчина: Льдина дрейфует!

Женщина: Вода проступает сквозь ледяные трещины!

Мужчина: Героические советские джаз-биндюжники на ледяном ветру играют джаз для полярников.

Женщина: Руки музыкантов стынут.

Мужчина: Сипатый Утесов простудился и сипит еще сильнее!

Чаплин: А мы жрем омаров и пьем шампанское!!!

Женщина: И строим планы будущей гигантской наживы!

Чаплин: Предлагаю срочно сформировать американскую концертную бригаду, арендовать самолет и срочно вылететь к челюскинцам, кто за, товарищи американские кинематографисты? Господа, кто со мной, записываю имена, фамилии и артистические псевдонимы!

Голос: Я не могу, у меня завтра съемки!

Голос: У меня на год вперед сверстан съемочный график.

Голос: У меня заболел пекинес.

Женщина: Это романтика, я лечу, я лечу!

Голос: Я тебя записал к стилисту на завтра!

Женщина: Я вынуждена остаться, извините!

Чаплин: Машину мне, машину! В аэропорт! Через десять часов полета мы будем на месте! Гриша вы летите?

Александров: Чарли, у меня несварение желудка, я вчера переел на приеме у мэра Лос-Анжелеса черной икры.

Чаплин: Люба, вы со мной?

Орлова: Извини, Чарли, я слегка простужена, мои миндалины воспалены!

Чаплин: Тогда я вылетаю один. Извините, не один! С котелком усами и тросточкой. Нас четверо.

Голос: Одумайтесь, Чарли, это Раша, это Арктика, там очень холодно.

Чаплин: Зато там, в СССР, еще есть место подвигу, там настоящие парни, настоящие женщины, я устал вариться в этом муторном буржуазном бульоне, ненавижу жару, пальмы и ваши бессмысленные лица! Счастливо оставаться!

Чарли забирает у Александрова котелок и тросточку, уходит смешной походкой из залы. Оглядывается. Исчезает.

Сцена 19. СССР. Арктика. Льдина.

На Льдине палатка, полярники, белые медведи с медвежатами (детская группа) Утесовский бэнд. Играют, Утесов поет.

Человек с бородой (Шмидт): Леня, повтори еще раз на бис!

Утесов: Что?

Человек с бородой (Шмидт): «С одесского кичмана».

Полярники: Просим, просим.

Утесов: «С одесского кичмана»!

Бэнд играет, Утесов поет вместе с Эдит.

С одесского кичмана

Сорвались два уркана,

Сорвались два уркана в дальний путь -

У Княжеской малины они остановились,

Они остановились отдохнуть и т.д.

Заканчивают.

Выходит Чарли Чаплин, исполняет несколько трюков под песню Утесова.

Чаплин: Подыграйте Мне

Утесов: Что?

Чаплин: Гоп со смыком!

Чаплин поет «Гоп со смыком», Двигается в своем особенном стиле.

Заканчивает.

На льдину поднимается Белый медведь.

Медведь: Не останавливаемся, играем.

Утесов: Что?

Медведь: Мурку! (другая песня?)

Оркестр играет Мурку, медведь поет.

Медведица: А можно чтонибудь посерьезнее подушевнее, что ли? Чтобы с содержанием и за душу брало.

Утесов (объявляет): У самовара я и моя Маша!

Оркестр исполняет. Медведи, медведицы и медвежата танцуют.

Утесов заканчивает, медведи аплодируют.

Просят аплодировать зал.

Утесовский бенд кланяется.

Чарли Чаплин кланяется, заводит зал, несколько раз выходит на поклон.

С ним соревнуется маленький медвежонок, у него тоже хочет насладиться успехом.

Утесов выходит на поклон.

Утесов: Встретимся во втором акте, друзья!

ФИНАЛ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. Сцена 20

Утесов идет через зрительский зал по проходу, напевая «Когда проходит молодость».

Квартира Утесова.

Утесов скидывает плащ, *входит Эдит.*

Эдит: Папа, я хотела с тобой посекретничать.

Утесов: Давай поговорим, Диточка, (напевает)... у самого Черного моря, цветущий в акациях город.

Эдит: Па, я влюблена.

Утесов: В кого?

Эдит: В Дунаевского.

Утесов: О, мама мия! Дочка, это большая беда! Дуня слишком любит женщин, я бы такого мужа и домоуправше не пожелал!

Эдит: Он очень нежный, па, и невероятно музыкальный.

Утесов: Самый обычный еврейский кобелина!

Эдит: Папа, это грубо!

Утесов: Не мои слова, Раневской, Фаня точная, лупит белку в глаз. Выброси Дунечку из сердца и позабудь.

Эдит: Сердце не женская сумочка, положил, достал, выбросил!

Утесов: Жить с талантливым человеком - это ад! Лучше сразу повеситься.

Эдит: Но мама тебя любит.

Утесов: Бедная, несчастная наша мама.

Эдит: Она не бедная, она счастливая!

Утесов: Мне стыдно перед ней, она моя самая большая боль.

Эдит: Она самая счастливая женщина, потому, что у нее есть ты.

Утесов: Знаешь, кто я такой?

Эдит: Кто?

Утесов: Самый обычный еврейский кобелина.

Эдит: Неправда, папа, ты не обычный еврейский кобелина. Ты племенной одесский производитель.

Утесов: Ты не представляешь, как приятно слышать эти слова мужчине преклонного возраста, но я еще не потерял совесть, и она меня мучает!

Эдит: Па, я с тобой гастролирую по СССР, вижу, все твои увлечения, одно тебя оправдывает, ты каждый раз искренне, как ребенок, влюбляешься!

Утесов: Вижу сладкое и бегом задрал штаны...

Эдит: Приспустил штаны, па!

Утесов: Бедная моя девочка, зачем я взял тебя в оркестр, для чего, мама дорогая, я езжу с тобой по СССР!?

Эдит: Потому что ты любишь и у нас с тобой уникальный дуэт!

Входит Елена Осиповна.

Утесов: Леночка, как ты выглядишь сегодня, ну просто потрясающе!

Елена: Спасибо! Дита, что делаешь?

Эдит: Собираю чемодан, ма.

Елена: Я не отпущу тебя вместе с отцом на фронт, достаточно уже я натерпелась, надрожалась, ты останешься дома со мной.

Эдит: Нет, ма, я поеду с отцом, кто еще за ним присмотрит?

Елена: А за мной? Я больная, уже немолодая женщина.

Эдит: Па, скажи.

Утесов: Мама права, ты должна остаться!

Эдит: На фронте мы бываем редко, в основном выступаем в глубоком тылу

Елена: Как тебе не совестно, мне все известно, как вы ехали на выступление на грузовике, и вас бомбили мессершмитты, бомба попала в грузовик, и там всех поубивало, разорвало в куски. У меня в оркестре есть свои уши.

Утесов: Зина Фрадкин, вот гадина, шлимазл!

Эдит: Я поеду, ма.

Елена: Нет

Эдит: Да.

Утесов: Леночка, я пытался ее отговорить, если Дитка сказала да, железно, не согнешь!

Входит Дунаевский

Дунаевский: Здравствуйте.

Эдит: Жив, руки ноги на месте, ну и слава тебе Господи!

Дунаевский: Кто меня отпустит на фронт, выступаю перед работниками тыла с оркестром Дома Железнодорожников.

Елена: А вот ему я верю!

Дунаевский: Мы тыловые музыкальные крысы.

Утесов: Крысы, кстати, дико музыкальный народ, когда я голодал в Одессе, в середине двадцатых, снимал у мертвой бабушки какой-то задрипанный угол, вечерами делать было нечего, играл на гитаре, как только петь начинал, приходила огромная крыса и слушала.

Однажды я запел романс, и она заплакала. Веришь, Лена?

Елена: Нет

Утесов: Мы женаты двадцать пять лет, и ты не можешь поверить в мою крысу?

Елена: Не было никакой крысы, я тебя умоляю, ты все придумал.

Утесов: Дуня, была крыса?

Дунаевский: Была, верю!

Утесов: Диточка, папа правду говорит, была крыса или нет, плакала?

Эдит: Папа, была, конечно.

Утесов: Вот они меня любят, а ты, Лена, не любишь, потому что не доверяешь!

Елена: А как вам доверять, говорите, что выступаете в тылу, а письма к нам на почтовый ящик приходят с фронта, и еще тащишь дочь за собой, вместо того, чтобы убедить ее остаться в Москве!

Дунаевский: Я по делу пришел... мне нужна солистка в оркестр ЦДКЖ, едем в Челябинск и Магнитогорск, и еще 12 городов. Я подумал, Диточка, может, ты согласишься поработать в нашем оркестре?

Елена: Соглашайся, дочка, умоляю!

Утесов: Заметано, ты едешь с Дуней!

Эдит: Это правда, ма, на самом деле мы выступаем на фронте, и бывает очень, опасно и страшно, но у нас у всех нет иной судьбы. Я поеду с отцом на фронт!

Елена: В кого ты такая упрямая!

Эдит: Я поеду с отцом на фронт!

Дунаевский: Жаль.

Дунаевский уходит.

Утесов: Прилягу, устал, отдохну. Мне к восемнадцати на репетицию. Ка бы не опоздать, Эдит, поставь будильник.

Выход Аделии:

Аделия: Сон со Сталиным №2.

Кремлевские куранты во всю сцену.

Сталин за ударной установкой, стучит, входит Утесов.

Утесов: Иосиф Виссарионович, доброй ночи

Сталин: Ты на пятнадцать минут опоздал на репетицию, совесть у тебя есть?

Утесов: Извини, Иосиф.

Сталин: Я Сталин, ко мне не опаздывают.

Утесов: Я извинился, Ося.

Сталин: Я не терял время даром, стучал.

Утесов: Прости, Ося, виноват, в последний раз.

Сталин: Вы одесситы очень разболтанные люди.

Утесов: Иосиф, у тебя что, пластинку заело?

Сталин: Я руководитель страны, вождь народов сижу здесь и жду какую-то певичку.

Утесов: Я певец.

Сталин: Ты певичка! Когда опаздываешь, Леня, ты певичка! Маленькая, грязная певичка с шантанов! Полуартистка-полупроститутка.

Утесов: Ну, уж тогда лучше, я буду полностью проституткой.

Сталин: Нет, ты полупроститутка. Потому что опоздал на пятнадцать минут, а если бы ты опоздал на полчаса, я бы назвал тебя стопроцентной политической проституткой!

Утесов: А при чем тут политика?

Сталин: При том, что ты делаешь это сознательно, это твоя политика, ты хочешь этим унижить меня.

Утесов: Ты слишком мнительный, Иосиф.

Сталин: С этого начинается страна, с порядка. Все должны приходить вовремя на работу, и я этого добьюсь!

Утесов: Иосиф, тебя что, заклинило?

Сталин: Ладно, прощаю.

Утесов: Репетировал дома?

Сталин: Да, поставил барабаны в кабинете, в кремле. Как свободная минутка, играю.

Утесов: Молодчина. Начинай, я послушаю.

Сталин: Слушай.

Сталин стучит на барабанах.

Сталин: Ну как тебе?

Утесов: Плохо

Сталин: Да ладно.

Утесов: Джаз не терпит дилетантизма, он требует высокого уровня исполнения, джазовый музыкант должен быть виртуозом.

Сталин: Это ты мне мстишь за политическую проститутку?

Утесов: За полу... Проститутка - не обидно. Но полупроститутка - очень обидно. Лучше быть тысяча процентов проституткой, чем наполовину, не понимаешь?

Сталин: Я сгоряча, прости.

Утесов: Говорят ты «Веселых ребят» опять пересматривал на даче.

Сталин: Да.

Утесов: Смеялся?

Сталин: От всей души, как война началась, часто стал пересматривать. откуда -то надо силы брать, душевные силы. А тебе что, кино не понравилось?

Утесов: Не очень.

Сталин: Напрасно, на мировом уровне картина. Я будто в отпуске побывал. Можно я песенку про сердце из «Веселых ребят» на барабанах настучу, она мне понравилась!

Утесов: Валяй!

Сталин: Сюрприз, я попросил привезти киноустановку и пионеров.

Сталин стучит по барабанам.

Проекция из веселых ребят.

Утесов: Иосиф, не так громко, разбудишь.

Утесов просыпается

Квартира Утесова.

Елена: Проснулся?

Утесов: Да.

Елена: К тебе гости.

Утесов: Кто?

Елена: Матрос.

Утесов: Ты с ним знакома?

Елена: Нет.

Утесов: Я с ним встречался?

Елена: Говорит, что незнакомы.

Утесов: Пусть войдет.

Входит матрос.

Матрос: Здравствуйте, Леонид Осипович.

Утесов: Здравствуйте, по какому делу?

Матрос: Гвардии красноармеец Бендерский Михаил Борисович, извините, Леонид Осипович, я хочу сказать вам очень важные слова, этого никто не знает, только я один, и вы тоже должны знать.

Утесов: Проходите, присаживайтесь.

Матрос: Я тоже одессит, только на два слова, Леонид Осипович. Я был на вашем выступлении... У вас очень прекрасные музыканты, дочка великолепно поет, все шло распрекрасно, пока вы не запели одну песню...

Утесов: Какую песню?

Матрос: «Одессит, Мишка», у меня слезы из глаз, сердце заколотилось, дышать не могу, эта песня про меня! Потому, что когда немцы наступали, кто последний ушел с Одессы - это я. Я оставил там мать, любовь, дом родной, я уж не знаю, кто сочинил вам эту песню, как он все про меня узнал, про мою жизнь. Вы поете: не плачь, Мишка, ведь ты матрос, Мишка, а я плачу, навзрыд и ничего поделать с собой не могу!

Утесов: Успокойтесь.

Матрос: Будет полный порядок, и чтоб я белого света не увидел, если я в Одессу не приду. Освободим Одессу, слово Вам даю!

Утесов: Кем вы работали до войны?

Матрос: Шоферил я.

Утесов: Ну, вот, война закончится, Миша, приезжайте в Москву, возьму вас в оркестр шофером!

Матрос: До свидания, Леонид Осипович, спасибо вам, за разговор спасибо.

Утесов: Жду, приезжайте, нашему оркестру хороший шофер очень нужен. А вы на какой лице жили в Одессе?

Матрос: На Ланжероновской.

Утесов: Я Родился в Одессе. Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город. Мои — всю жизнь там прожили.

Я не знаю, кто виноват. Солнце? Море? Небо? Но — под этим солнцем, под этим небом, у этого моря рождаются особые люди.

Матрос: Согласен, мы особенные.

Утесов: Ах, одесские мальчишки! Они не ходят, а бегают, они не говорят, а поют. Их темпераменты, их музыкальность, их поэтические сердца могут накормить весь мир искусством не хуже, чем лепетутники хлебом.

Матрос: Я тоже вырос в Одессе, слух у меня есть, все говорят.

Утесов: А вы на скрипочке умеете?

Матрос: В руках не держал.

Утесов: Быть того не может!

Матрос: Да.

УТЕСОВ. В Одессе все дети учатся играть на скрипке. Трехлетние люди гордо шагают по улице с оттопыренными музыкальными ушами. В одной руке скрипичный футляр, а в другой - папка с нотами. И каждый одессит мечтает, что его сын станет знаменитостью. Кто сказал, что конвейер изобрел в Америке Форд? Ерунда, Миша. Конвейер изобрел в Одессе Столярский. Конвейер талантов. Конечно, и до Столярского Одесса выпускала таланты. Но то была кустарщина, а Столярский поставил игру на скрипочке на широкую ногу. Он, как никто, понимал детскую душу, умел ее настроить на музыкальный лад и вести к вершинам мастерства.

Матрос: Мой папа не мечтал, чтобы я стал музыкантом.

Утесов: Мой тоже. В три года я еще не знал, что есть такая профессия - скрипач. Просто однажды заметил, что на нашей лестничной площадке живет скрипач. Гершберг. Я плашмя ложился у его дверей, прикладывал ухо к нижней щели и упивался. Видя меня часто в этом положении, папа понял, что сынок обожает музыку и отвел к Столярскому. .

Миша: Мой сосед тоже пилил на скрипочке, но я не догадался прилечь на живот и прислушаться.

Утесов: А в этом весь цимес, Миша. Чтобы вовремя остановиться и прислушаться, или призадуматься, от этого, иногда, зависит вся жизнь.

Матрос: Благодарю вас, Леонид Осипович, пойду я.

Матрос уходит.

За стеной ноет скрипка, скрипка. Входит Лена.

Утесов: Только про скрипочку поговорили, кто это?

Лена: Мальчик этажом выше, Коля Сенцов, ему родители скрипку купили.

Утесов: Когда?

Лена: Когда ты с фронтовой бригадой в Мурманск ездил.

Утесов: Азохен вей, он лучше бы кошку до смерти замучал, несчастная скрипочка!

Лена: Ледя!

Утесов (раздраженно) Что, Ледя? Как ужасно играет, у меня, посмотри, кожа в гусиных цыпках, мороз кожей идет.

Лена: Но это же дети!

Утесов: Он не один?

Лена: У него сестра есть!

Утесов: И ей тоже скрипочку купили.?

Лена: Она с пятницы приступает, руку повредила в школе.

Утесов: Принеси мне веревку и кусок мыла!

Лена: Ледя!

Утесов: О, такое не каждый живой человек выдержит. В моем возрасте я предпочитаю слушать гениев и виртуозов!

Лена: Ты стареешь, Ледя.

Утесов: Знаешь, Леночка, что является лучшим средством против старости?

Лена: И не догадываюсь даже.

Утесов: Элегантность!

Лена: Ты куда?

Утесов: На репетицию.

Лена: Я звонила Яше Скоморовскому сегодня, он сказал, что репетиции не будет.

Утесов: Я в парикмахерскую.

Елена: Любимый, ты на что-то мягкое и помятое глаз положил?

Утесов: Я тебя умоляю!

Елена: Не та ли эта девушка администратор с Мосфильма?

Утесов: Милая, нельзя собирать слухи, у меня полно завистников!

Елена: Замотай горло, ветер ледяной, ты дохаешь, как простуженная лошадь, я ее видела, она красивая!

Утесов: Я, симпатичный, Леночка, ко мне пристают бабы, я их обнуляю, они мне мелко мстят, никого не слушай, Лена.

Утесов уходит.

Сцена 7. «Парк Эрмитаж».

Две фронтовички, Герои Советского Союза прорываются на концерт Утесова.

Тоня: У вас не найдется билетов на Утесова, на Театральный джаз!

Спекулянт: Один раз и только для вас, пятнадцать тысяч рублей за билет! Итого сто пятьдесят тысяч советских рублей.

Валя: Скажите, товарищ, у вас есть совесть?

Спекулянт: Зачем совесть, если билеты влет идут?

Валя: Скажите, у вас есть мать?

Спекулянт: Я подкидыш!

Валя: Двести тысяч за два билета!

Доносятся звуки оркестра из открытого летнего театра.

Спекулянт: Барышни, перестаньте мелко торговаться! Это лучший джаз в стране, Утесов поет вместе с дочкой, это лучший музыкальный дуэт в стране! У Эдит бархатный голос - я с ума схожу! Был бы помоложе- влюбился!

Оля: Сто тысяч!

Спекулянт: Покупайте пластинки «Госмузиздата», слушайте музыку дома!

Тоня: У нас «ГТ» с собой! За четыре года войны не дал ни одной осечки! (достаёт револьвер).

Валя: Ты знаешь, кто эта женщина? Герой Советского союза! Она эскадрилей командовала, до Берлина дошла.

Тоня: Ты думаешь я тебя в упор не положу?

Валя: Луни его в лоб, наповал, Тоня, а то на концерт опоздаем!

Спекулянт: Хорошо пятьдесят тысяч скину, по причине всенародного праздника окончания народной войны!

Тоня: Подавись, выродец! (берет билеты, отдает деньги).

Оля: За что воевали в Отечественную?

Валя: Чтобы эти сволочи могли наживаться на святом искусстве!

Спекулянт (пересчитывает): Товарищи фронтовички, делаю официальное заявление! Не хватает ста тысяч.

Женщины уходят, идут энергично, спекулянт бежит за ними.

Спекулянт: Стоять! Милиция, грабят!

Тася стреляет в воздух. Спекулянт останавливается.

Спекулянт: Нагрели инвалида детства! Я буду Сталину жаловаться! В ЦК партии! Я запомнил ваши лица! Встречу по окончании с концертом с нарядом НКВД! Узнаете у меня, как честных барыг на деньги ставить!

ПАРК «ЭРМИТАЖ».

Выступление «ТЕАДЖАЗА»

Утесов: Дорогие друзья, я хочу вас поздравить с Великой Победой и окончанием войны. Я и Эдит споем для вас песню «Брянская улица»!

(КОНЦЕРТ, СКРИПАЧИ).

Далее Утесов поет с Эдит «Алле, алле, прекрасная маркиза».

Сцена 22.

Внуково, дача Утесовых, ночь.

Елена: Диточка.

Эдита: Да, ма!

Елена: Какой красивый закат из окна, посмотри!

Эдит: Рано еще, десяти нет.

Елена: Слышишь?

Эдит: Соловей поет.

Елена: Я такого нигде никогда не слышала, только на нашей внуковской даче.

Эдит: Синкопы выдает джазовые, наверное, это единственный в России джазовый соловей. Как война закончилась, стал как-то по особенному петь, радостно.

Елена: Наш Соловей-то спит?

Эдит: Струны пощипывает.

Лена: Не входи, мне надо с отцом поговорить.

Сцена 23.

Комната Утесова. Утесов играет на гитаре, негромко поет.

Входит Елена.

Лена: Я все знаю!

Утесов: О чем ты?

Лена: Указ партийный вышел о борьбе с семейственностью, Лену, дочь твою увольняют из оркестра, приказ вышел, не будешь ты больше с дочкой петь! И ты, обладая такой популярностью и связями в правительстве не смог вступить за свою дочь, ты понимаешь, какая это для нее трагедия?

Утесов: Понимаю, все понимаю, какая это трагедия для нее и для меня!

Лена: И ты не сумел ничего сделать?

Утесов: В Госконцерте и парторганизации железно стоят на своем!

Лена: Умоляю тебя, не сдавайся.

Утесов: Решение окончательное.

Лена: Ледя!

Утесов: Не рви мне душу Лена!

В комнату входит Эдит.

Эдит: О чем вы шепчетесь?

Лена: Эдиточка, у нас дурные новости, тебя увольняют из оркестра, вышел указ по борьбе с семейственностью.

Эдит: Сегодня, между прочим, у Гриши Александрова день рождения.

Утесов: И что?

Эдит: Они с Любой встречают его вдвоем. Па, тебе пора его простить, помириться, ты с Любой полстраны во фронтовых бригадах проехал.

Утесов: Он убил картину, понимаешь, я этого не прощу и картину никогда не приму.

Лена: О чем вы, я не понимаю, надо срочно звонить Поскребышеву он любит твои песни, он поможет!

Эдит: Па, это прекрасная картина, народ ее полюбил.

Утесов: Перестань!

Эдит: Картина принесла тебе бешеную популярность.

Утесов: И Коле Эрдману картина не понравилась!

Эдит: Любишь ты картину, нравится она тебе!

Утесов: Нет.

Эдит: Только честно, па, положи руку на сердце.

Утесов: Думаешь, что нравится?

Эдит: Уверена!

Утесов: Неплохая картина.

Эдит: То-то и оно.

Утесов: Я бы пошел мириться, обидку держать нехорошо, однако неудобно как-то без приглашения.

Эдит: А помнишь, как они к нам без приглашения, на день рождения Марка Твена завалились, пойдем, поздравим Гришу.

Лена: Я бы ни за что не стала опускать руки!

Утесов: Успокойся, Лена, хорошо, Эдиточка, пойдем. А что мы им подарим?

Эдит: Люстру.

Утесов: Где мы ее возьмем?

Эдит: Снимем в гостиной.

Утесов: Задрипанная она уж больно.

Эдит: Не нашу люстру, па, у соседей снимем, у Лебедевых-Кумачей. У меня ключи от Кумачевской дачи есть. Грише кумачевская люстра, трофейная очень нравится, он хотел точно такую в Будапеште купить! Приедет Кумач - люстры нет, пойдет жаловаться Грише - она под потолком висит! Скандал начнется, будет весело!

Утесов: Не дурно-тес! Смешно! Это по-нашему!

Эдит: Звоню электрику? Ма, снимем у Лебедева -Кумача люстру?

Елена: Снимайте! А что делать? Может в Госконцерте узнают о вашем веселом розыгрыше и изменят решение? И Эдиточку оставят в оркестре?

Утесов: Годится! Звони!

Эдит: Кумач скажет, снимай люстру, а Гриша скажет, она дареная, начнется заваруха!

Утесов: А Люба не отдаст, за красивую вещь горло перегрызет!

Эдит: Собираемся?

Утесов: Да, собираемся! Хороший получится день рождения! Нет, не пойду!

Эдит: Почему?

Утесов: Я позвоню Александрову.

Утесов подходит к телефону, берет трубку.

Утесов: Алле, Гриша, Утесов, празднуете с Любой? Я много лет был на тебя в обиде, прости, «Веселые ребята» картина прекрасная, я ее очень люблю и часто пересматриваю, иногда хожу один в кинотеатр повторного фильма на утренний сеанс. Ты великий режиссер, и абсолютно прав... в истории про любовь актриса должна быть на полшага впереди! Здоровья тебе и новых свершений! Нет, не придем, уже поздно! Да и подарка нет. Увидимся. Соседи как-никак! Спасибо. Спасибо. Спасибо!

Утесов кладет трубку.

Эдит: Стало легче на душе?

Утесов: Стало! Выдохнул! Дай-ка гитарку.

Звонят в дверь.

Утесов: Кого нелегка принесла, Эдиточка, открой.

Эдита (подходит к окну): Яша Скоморовский. Я открою.

Утесов берет гитару, поет.

Я живу в озвученной квартире:
Есть у нас рояль и саксофон,
Громкоговорителя четыре,
И за каждой дверью — патефон!

У меня есть тоже патефончик,
Только я его не завожу,
Потому, что он меня прикончит —
Я с ума от музыки схожу

Входит Яша и Эдита. У Яши в руках газета.

Яша: Постановление ЦК вышло, джаз запретили.

Утесов: Как это запретили?

Елена: Не наша, мол, музыка, американская!

Утесов: Какая глупость! Дай газету!

Леня достает из сумки двадцать газет, дает одну Утесову.

Утесов (открывает газету, читает): Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь.

Сцена 24.

Музыкальный номер: суд над сексофоном.

Концерт. Утесов выходит к микрофону

Утесов: Дорогие друзья. Решением партии и правительства СССР джаз запрещен к исполнению. Мы, музыканты - люди законопослушные! Сегодня состоится суд над джазом и отдельными музыкальными инструментами.

Просим подсудимых занять свои места.

Музыканты занимают места за пюпитрами.

Утесов: Адель!

Выходит Адель с кипую газет и раскладывает на пюпитрах вместо нот.

Утесов: Кто будет государственный обвинитель?

Саксофонист: Я!

Утесов: Защитник?

Адель: Я!

Выходит государственный обвинитель.

Саксофонист (читает по газете): Нет дурных негодных инструментов, но инструменты можно негодно использовать! В джазе все старые традиционные музыкальные инструменты используются самым негодным образом, извращающим их природу и благородную сущность! Рояль! Встать!

Пианист за роялем встает.

Гос. Обвинитель: Садитесь. Играйте.

Пианист садится, играет джазовую партию вместе с оркестром.

Рояль(читает по газете, стоящей на пюпитре): Богатейший по своим красочным выразительным возможностям рояль превращен в джазе сухой ударный инструмент, из которого пианист сходит до уровня тапера, яростно выколачивая ритм.

Защита: Нам нечего сказать, это правда, все слышали, рояль превращен в первобытный африкаский там-там. Это преступление против Моцарта и народа!

Утесов дает знак оркестру.

Публика в суде аплодирует (оркестр изображает публику).

Гос. Обвинитель: Труба!

Трубач (*встает*): Я!

Гос. Обвинитель: Сыграйте!

Трубач играет соло вместе с оркестром.

Труба (читает по газете, стоящей на пюпитре): Героическое светлое звучание трубы в джазе затушевывается сурдинами! Кому нужно это кваканье? Где мы находимся, в концертном зале или на болоте? Я настаиваю, десять лет без права выступления на сцене!

Защита: Восемь!

Гос. Обвинитель: Пятнадцать! Без права переписки нотных партий для трубы!

Утесов дает знак оркестру.

Публика в суде аплодирует (оркестр).

Гос. Обвинитель: Тромбон!

Тромбонист (*встает*): Я!

Гос. Обвинитель: Сыграйте!

Тромбонист играет соло вместе с оркестром.

Трамбон(*читает по газете, стоящей на пюпитре*): Благородные тембры тромбонов искажаются до неузнаваемости, хотя, при исполнении симфонической и народной музыки, они прекрасны!

Защита: Эти доводы невозможно опровергнуть, так и есть. Доводов в пользу использования в джазе тромбонов нет!

Гос. Обвинитель: Предлагаю тромбон полностью исключить из джаз оркестра!

Защита: Крыть нечем. Только матом!

Гос. Обвинитель: Обценная лексика в музыкальном суде запрещена!

Защита: Тромбон исключить из оркестра!

Утесов дает знак оркестру.

Публика в суде аплодирует (оркестр).

А теперь переходим к главному обвиняемому! Организатору преступной банды! Саксофону! Встать!

Саксофонист встает.

Гос. Обвинитель: Играйте!

Саксофонист играет соло вместе с оркестром.

Гос. Обвинитель (*читает по газете, стоящей на пюпитре*): Разве человеческая душа способна выдержать этот варварский и мерзкий зудящий натиск? Кому предназначается это рыканье, пищанье и прочая дребедень? Что общего между грязно-эротическим сексуальным воем саксофона и лирическим возвышенным мироощущением советских людей? Я обращаюсь к вам, граждане страны советов! Ни-че-го! Защита!

Защита: Защита отказывается защищать саксофон, это ниже нашего достоинства!

Утесов дает знак оркестру.

Публика в суде аплодирует (оркестр).

Гос. Обвинитель: Джаз - это музыка духовного порабощения человека грязными инстинктами, прививающая молодежи постыдные обезьяньи повадки, и сакс принимает в этом самое важное участие. В самом названии саксофона есть что-то непристойно грязное.

Сакс. Секс. Жмекс! Предлагаю все саксофоны, находящиеся в советских оркестрах, отдать на переплавку и вылить из них треугольники для симфонических оркестров.

Защита: Это справедливо. Кто за, товарищи? Единогласно! Прочь заморское грязное джазовое отребье! Да, здравствует новый жанр искусства - советская песня!!! Аплодисменты, товарищи!

Утесов дает знак дирижерской палочкой.

В зале суда (зрительный зал) аплодируют.

Утесов: Джаз закрыт. Он запрещен. Поэтому, товарищи, сегодня на концерте мы играем не джаз, а «Советскую песню». Звучит немножко длинновато и неуклюже, «джаз» короче и веселее, что же, будем создавать новое советское искусство.

Так что песенку «У самовара я и моя Маша» я объявляю советской песней! Ну и другие песни нашего ансамбля тоже!

И еще... в защиту джаза защита не сказала ничего путного. В защиту джаза я спою! Я хочу напомнить вам, что с джазом, строили нашу Великую страну, и джаз вместе с нами воевал на всех фронтах и победил фашистов, об этом моя песня!

Утесов поет.

Занесло судьбою в третий батальон
Старенький коломенский усталый патефон.
Пел нам на привалах у чужих дорог
Трогательный девичий печальный голосок:

«Днем и ночью, милый, помни обо мне.
Днем и ночью в чужедальной стороне.
Днем и ночью я затем тебе пою,
Чтобы ты любовь мою
Сберегал в чужом краю.
Днем и ночью».

Припев:

Каждый мечтал и повторял

Днем и ночью,
Этой песенки припев
Днем и ночью.
Где-то под Варшавой миной был сражен,
Замолчал коломенский бедняга патефон.
Смолкли на привалах песенки твои.
Шли тогда кровавые жестокие бои

Днем и ночью и солдаты шли вперед.
Днем и ночью через реки шли мы вброд.
Днем и ночью шли с боями вслед врагу,
Шли в пыли, шли в снегу,
Шли в метели и в пургу.
Днем и ночью.

И так далее

Аплодисменты.

Кошка уходит за кулисы.

Саксофон: Мы победили кошку!

Тромбон: Мы органичнее!

Барабаны: Мы ее переиграли!

Утесов: А знаете, почему? Потому что мы стали настоящим оркестром!

Гитара: Потому что от нас глаз нельзя оторвать.

Зритель (*из зала, подсадной*): Леонид Осипович, она здесь каждый спектакль приходит, мы эту кошку хорошо знаем, мы все на нее ноль внимания!

Сцена 25.

Выходит Адель:

Адель: Сон третий с Иосифом Сталиным.

Куранты. Ударная установка. Напротив, на стуле Утесов. Рядом с ударной установкой гитарист. Входит Сталин, садится за барабаны.

Сталин: Зачем ты взял с собой на репетицию гитариста?

Утесов: Вова будет вести ритм, будете играть вдвоем.

Сталин: Джем сейшн?

Утесов: Да, джем! Надо тебя потихонечку в оркестр встраивать. По моей команде начинаем.

Играют

Утесов: Стоп. Очень плохо, Иосиф, опаздываешь.

Сталин: Я не привык играть с гитаристом, я привык играть один.

Утесов: Нет никакого смысла играть джаз одному, еще раз сначала.

Играют ударный и ритм гитара.

Утесов: Стоп. Иосиф, у тебя левая рука играет одно, а правая другое.

Сталин: У меня левая рука больная, сохнет, я поэтому сел за ударные, чтобы ее немного разработать.

Утесов: Я тебя не понимаю.

Сталин: Что ты не понимаешь?

Утесов: Зачем ты указом запретил в СССР играть джаз?

Сталин: А что такого?

Утесов: Ты ведь столько лет репетировал на барабанах, хотел играть в моем оркестре, а потом взял и запретил джаз! Твоя левая рука не знает, что делает правая! Это глупо!

Сталин: Я умный, знаешь, как меня назвал Черчилль? Царь философов.

Утесов: Ты понимаешь, что музыку запретить нельзя, джаз все равно будут играть, он уйдет в подполье! Будут подпольные тайные концерты.

Сталин: Это очень хорошо. Отлично! Наша партия РСДРП тоже начинала с подпольных организаций и скинула Романовых. Будем играть подпольные концерты, у меня огромный опыт работы создания и работы в подпольных организациях.

Володя: Ребята, мы пришли сюда репетировать, или разговаривать?

Утесов: Да, погоди ты! А зачем ты запретил указом моего друга Мишу Зощенко. Мы так красиво победили фашизм, повесили красное знамя над Рейхстагом, зачем стране сражаться с маленьким, печальным, несчастным писателем, почему ты запретил издавать и читать со сцены Зощенко? Это глупо!

Сталин: Это умно. Миша просто не понял. Расстроился. Я запретил его, чтобы он стал классиком. Если запретить писателя, он моментально становится популярным. Это вы, интеллигенция - дураки. Только запретить надо по-настоящему талантливого автора, а не какую-нибудь серость. И Ахматову запретил, чтобы пробудить у молодежи интерес к поэзии. Ты будешь читать рассказы Зощенко на наших подпольных концертах. Мы будем издавать Зощенко в подпольных типографиях, самиздатом!

Утесов: Я вырос в солнечной Одессе, я не позволю загнать утесовский джаз в холодный сырой подвал!

Сталин: Не нужны мне твои артисты. Ты считаешь, что твой гитарист Вова нормально держит ритм? Тьфу!

Вова: Ося, это несправедливо!

Сталин: У меня будет свой джаз, подпольный джаз, Коба-джаз! В него войдут заслуженные большевики, старые подпольщики, члены ЦК: Поскребышев, Молотов, Калинин, Хрущев и прочие, я придумал новое направление в свинге...ЦК-джаз! Мы Америку на колени поставим, мы научим империалистов играть джаз!

Утесов: А что играть будете?

Сталин: Советских композиторов. Дунаевского, Матусовского и прочих.

Утесов: Матусовский - поэт.

Сталин: Не придирайся к словам, Ледя! Послушай, я приготовил тебе сюрприз. Я готов к сольному выступлению. Играть буду на трубе. Рапсодию в стиле блюз.

Утесов: Ты же учился на барабанах.

Сталин: И потихонечку репетировал на трубе, чтобы ты не знал. Послушай.

Сталин играет рапсодию в стиле блюз.

Сталин: Ну как?

Утесов: А ты способный.

Сталин: Я грузин, у меня прекрасный слух и врожденная музыкальность!

Сцена 26.

Квартира Утесова.

В комнате Утесов и Дунаевский.

Утесов: Посиди Дуня, не дыши, я тебя сфотографирую.

Дунаевский: Справишься? Откуда у тебя фотоаппарат?

Утесов: Купил на свои кровные, вот тренируюсь, интересно!

Дунаевский: Знаешь, кому Жарковский свою «Ласточку-касаточку» отдал?

Утесов: Нет.

Дунаевский: Кобзону.

Утесов: Обидно. Раньше все песни композиторы сначала показывали мне.

Дунаевский: На эстраду пришли новые таланты!

Утесов: А давай начнем все заново, придумаем новый стиль, и всех подвинем в сторону, а?

Дунаевский: Ага! Поднатужимся и на пердючем пару подвинем! Можно попробовать! Но все равно в первачи не выйдем.

Утесов: Обидно.

Дунаевский: Александров переозвучивает «Веселых Ребят», он убрал твой голос и записал современную красивую фонограмму с молодым артистом!

Утесов: Знаю. Двадцать лет прошло, никак Гриша не успокоится! Но они же не могут смыть мое изображение, доснять другого артиста и вставить в кадр?

Дунаевский: Кто знает, техника идет вперед.

Утесов: Я помирился с ним, все простил, он за свое!

Дунаевский: У меня просьба будет к тебе личного характера. В санатории в Подмоскowie лечится у меня старинная подруга, больные их немного, очень просят тебя выступить, санаторий летний, народ подразъехался, общими усилиями собрали денег... ну так, число символически.

Утесов: Кто эта женщина?

Дунаевский: Продавщица в универмаге, покупал брюки, завязался разговор, несколько раз встретились и расстались навсегда, это еще до войны было. Всю жизнь вспоминаю наши три свидания.

Утесов: Выступлю, любовь - это святое.

Дунаевский: В конверте деньги, на столе.

Утесов: Не обижай меня, верни отдыхающим слезы.

Дунаевский: В зале будет всего человек двенадцать.

Утесов: Спою, даже, если в зале будет она одна.

Дунаевский: Здесь я недавно нашел старый трамвайный билет, ему лет тридцать, меня на слезу пробило, еще конка была в ту пору.

Утесов: Дай посмотреть.

Дунаевский показывает билет.

Утесов: Я за этот билет спою, он мне нравится.

Дунаевский: Забирай!

Утесов: А я помню ту довоенную девушку! Из Моссельпрома, что на площади Восстания, мы же тогда с тобой вместе в магазин вошли! Яркая шатенка!

Дунаевский: Это она.

Утесов: Она мне так в глаза посмотрела..., но я тебя пропустил вперед и свернул в галантерею!

Дунаевский: С чего это вдруг, такая щедрость?

Утесов: Я почувствовал... что у тебя на спине испарина выступила.

Дунаевский: Ледя, ты настоящий друг.

Утесов: Поэтому наши песни останутся на века, они настоящие!

Дунаевский: Их очень скоро забудут и будут петь другие песни, а потом и эти песни тоже забудут!

Утесов: Никогда наши с тобой песни не забудут, я в этом абсолютно уверен! Я хочу увидеть ее, какая она стала.

Дунаевский: Ты увидишь ее! Она почти не изменилась!

Утесов: Как у нее дела?

Дунаевский: Не очень.

Утесов: Болеет?

Дунаевский: Да.

Утесов: Это серьезно.

Дунаевский: Серьезно.

Сцена 27.

Концерт в санатории.

Утесов поет, перед ним полупустой зал. Двенадцать человек. На первом ряду немолодая женщина, слушает.

Сцена 28.

Набережная Москва-реки.

Утесов сидит на лавочке, смотрит на реку, на груди фотоаппарат «Зенит».

Девушка: Леонид Осипович, можно вас побеспокоить, с вами хочет поговорить иностранец.

Утесов: Откуда он?

Девушка: Американец. Меня Люсей зовут, я переводчица, моя фамилия Факторович, он свободно говорит по-русски.

Утесов: Ты ему зачем нужна?

Девушка: Он старенький, у него случаются провалы памяти... очень старенький.

Утесов: Кто такой, имя у него есть?

Девушка: Его зовут Марк Твен.

Утесов: Однофамилец?

Девушка: Нет, тот самый, всемирно известный, собственной персоной.

Утесов: Где он?

Девушка: Одну минуту, я его приведу.

Подходит Марк Твен с ним Люся.

Марк Твен: Здравствуйте, господин Утесов, хочу засвидетельствовать вам свое почтение.

Утесов: Рад засвидетельствовать свое почтение. Откуда вы так хорошо знаете русский язык, говорите по-русски почти без акцента?

Марк Твен: Вы каждый год всю свою жизнь отмечали мой день рождения, чем доставили мне огромное наслаждение, вот я и наблатыкался по-русски.

Утесов: Мы были молоды, было очень весело, но никого уже нет в живых, сначала умер Дунаевский, потом Леночка, моя жена, потом дочка, Эдиточка, никого из оркестра не ос-

талось, все музыканты ушли, остался я один... всех пережил. Вот сижу на лавочке, смотрю на Москва-реку, воздух весенний бодрит! Иногда фотографирую.

Марк Твен: Чем занимаетесь в свободное время?

Утесов: Пишу книги.

Марк Твен: О чем ваши книги?

Утесов: О джазе, о любви, о молодости, я уже три написал.

Марк Твен: Значит, мы с вами коллеги, два писателя.

Утесов: Мы столько лет знакомы, Марк Твенович, давайте перейдем на ты.

Марк Твен: Хорошо, Леня, давай на ты. У тебя сегодня день рождения?

Утесов: Да, обычно отмечаю, в прошлом году навестили Пугачева с Резником, было много молодежи, современная эстрада, а вот сегодня захотел побыть один, посидеть на лавочке в Лужниках, посмотреть на проплывающие пароходы, у меня с собой чекушка, давай по маленькой, есть и стаканчики, закуска. Я взял три - мало ли, встречу старого приятеля, и один запасной.

Марк Твен: Наливай!

Утесов: Люся! Возьми стаканчик! Только не за меня! Первый тост за женщин!

Марк Твен: За Люсю!

Утесов: За Люсю!

Люся: Ой, ребята, спасибо!

Выпивают втроем.

Утесов: Шоколадку возьми, закуси.

Марк Твен: Вкусно!

Утесов: Аленушка, наша, бабаевская

Марк Твен: У меня для тебя сюрприз!

Утесов: Какой еще сюрприз?

Марк Твен: Ты много раз справлял мой день рождения, я хочу отдать дань вежливости и справить хоть один раз твой день рождения.

Играет оркестр, звучит утесовский «Параход».

К набережной причаливает огромный белый речной лайнер, на борту огромными буквами «ЛЕОНИД УТЕСОВ» (или наоборот, маленький парходик тридцатых годов).

Утесов: Красотища какая, с ума сойти!

Марк Твен: На этом великолепном речном лайнере мы и справим твой день рождения. На палубе тебя ждут гости и джазовый оркестр.

Утесов: Что за оркестр?

Марк Твен: Оркестр Игоря Бутмана.

Утесов: Кто это?

Марк Твен: Знаменитый джазмен.

Утесов: Американец?

Марк Твен: Из Москвы.

Утесов: Прогулка по Москва-реке - это прекрасно.

Марк Твен: Я накрыл столы на палубе, будем выпивать, закусывать, будет играть джаз, если захочешь, споешь для нас! Каждый, кто хочет, скажет спич, оркестр, музыка, мужчины, женщины.

Утесов: А что за люди?

Марк Твен: Не торопись, поднимемся на борт!

С лайнера спускают трап.

Утесов, Марк Твен, Люся поднимаются на борт.

К Люсе подходит лысоватый человек и уводит ее. Его лица мы не видим.

Финальная сцена 29. «Поппури».

Палуба речного лайнера «УТЕСОВ». На палубе накрыты столы, празднично одетая публика у перилл. Оркестр Бутмана Играет песню «Пароход». За столом гости. Мы не видим их лица, только абрисы (контровой свет). Марк Твен выходит на эстрадку, подходит к микрофону.

Марк Твен: Господа, меня зовут Марк Твен. Сегодня мы празднуем день рождения великого русского певца, Леонида Осиповича Утесова.

Все аплодируют.

Марк Твен: Прошу, господа, выпивайте, закусывайте, если кто-то хочет сказать тост в честь дорогого Леонида Осиповича, прошу к микрофону.

Если кто-то хочет спеть, оркестр замечательного московского джазмена Бутмана в вашем распоряжении, но не больше одного куплета, господа!

Оркестр играет, все аплодируют.

Марк Твен: Кто первый хочет сказать?

Голос: Я!

Марк Твен: Я не вижу лица!

Голос: Я, Джордж Гершвин.

Марк Твен: Слово предоставляется классику американского джаза Джорджу Гершвину.

Выходит Гершвин.

Джордж Гершвин: Друзья мои, я тоже американец, и тоже очень хорошо говорю по-русски! Открою секрет, все мы американцы очень хорошо говорим по-русски, но тща-

тельно это скрываем! Я знаю Леню давно, с 1922 года, когда он ходил в рваных ботинках и снимался в немом кино. Здравствуй, Леня.

Утесов: О вей зи мир, привет Джорджик, это ты?

Джордж Гершвин: В юности Леня запал на мою музыку, последние деньги отдавал за мои пластинки, это я влюбил Леню в джаз и джаз в Леню.

Все аплодируют.

Утесов: Так и было.

Джордж Гершвин: Но у меня есть еще одна заслуга... молодой Ися Дунаевский тоже дико торчал от моей музыки, именно любовь к моей музыке сблизила молодых людей, это я их познакомил друг с другом! Где Дунаевский?

Голос: А где Дунаевский?

Джордж Гершвин: Был, я его видел.

Марк Твен: Такой щупленький, лысый?

Утесов: Да.

Марк Твен: Это он увел мою переводчицу Люсю в каюту.

Утесов: Дуня в своем репертуаре.

Джордж Гершвин: Я всю жизнь наслаждался утесовским джазом, Леня абсолютно музыкален! За Утесова, первый тост, за уникальный, абсолютный Ленин слух, и его верность джазу!

Все аплодируют, выпивают.

Марк Твен: Кто следующий, без перерыва!

Голос: А то милиционер родится.

Голос 2: Я скажу!

К микрофону подходит Яков Скоморовский.

Яков Скоморовский: Меня зовут Яков Скоморовский, я играю на трубе, начинал вместе с Леной, играл, пока был жив. Леонид Осипович всегда был нами недоволен, драл с нас три шкуры, репетиции были очень тяжелыми, а в старости послушал заезженную пластиночку и говорит типа... а оркестр-то у меня ничего, дошло до него, что работал с виртуозами, правда, к тому времени в живых почти никого не осталось, никто из них эти слова не услышал. Он всегда был недоволен, все ему плохо, все не так, репетировали, пока свалимся! Он одержимый! И в этом его сила. Я хочу от имени ребят, музыкантов нашего оркестра, поблагодарить Леонида Осиповича, спасибо тебе Леонид Осипович, ты каждому из нас подарил судьбу. Это была настоящая жизнь. Мы не жили в полноги, в пол силы, на всю катушку! За тебя!

Все аплодируют

Я сыграю партию на трубе. Это моя любимая мелодия.

Яков играет на трубе.

Все аплодируют.

Голос: Мы хотим сказать.

Марк Твен: Любовь Орлова и Григорий Александров.

Орлова: Жалко, что Дунаевский не услышит.

Голос: Слышу, я все слышу минуту, я сейчас.

Появляется Дунаевский с Люсей, садятся за стол.

Утесов: Где ты уже Дуня, мы за стол сели, а ты опять за свое!

Дунаевский: Знаешь, когда увидел Люсу...

Александров: Не продолжай, мы все... все понимаем.

Александров: Минуту внимания! Мы с Леонидом Иосифовичем сняли всего один фильм.

Орлова: Но на все времена.

Орлова: Не просто складывались наши отношения.

Александров: Но зрителю до этого мало дела, когда он смотрит фильм.

Орлова: Утесов великий артист.

Александров: Мы не просто снимали кино, мы создавали эпоху.

Орлова: Время было трудное, страшное. Но от нашего поколения остались прекрасные фильмы, песни, архитектура, великий театр, потрясающие стихи, книги.

Александров: И Утесов это тот музыкант, который создал эпоху, она звучит его голосом.

Орлова: За тебя Леня! А я спою один куплет моей любимой песни.

Орлова поет куплет из веселых ребят (на выбор дирижера)

Все аплодируют.

Голос: Я!

На сцену выходит матрос Мишка.

Мишка: Я обыкновенный матрос, меня зовут Мишка. Леонид Осипович про меня написал песню. Я прожил очень короткую жизнь, ничего у меня в жизни не было, кроме этой моей любимой песни и Родины, которую я защищал, за которую погиб. И я не знаю, каким волшебником, каким настоящим человеком надо быть, чтобы спеть песню, и чтобы эта песня звучала в душе. И давала силы жить. Эта песня согрела мою короткую жизнь. За Утесова!

Оркестр играет фрагмент из песни «Моряк Мишка».

К микрофону поднимется Дунаевский.

Дунаевский: У Лени есть талант, он быстро учился, схватывал на лету, но главное... умел отличать настоящее от подделки! Поэтому такой оркестр, поэтому такой репертуар, такие музыканты, такие друзья, такая популярность! За Утесова!

Все аплодируют, выпивают.

Утесов: Один куплет из нашей самой первой песни, которую мы написали вдвоем!

Оркестр играет, Утесов поет.

Лайнер идет по Москва-реке.

Слева, справа – берега.

Голос: Я хочу сказать.

Марк Твен: Выступает Иосиф Сталин.

Сталин подходит к микрофону.

Сталин: Я не сразу полюбил песни Утесова потому, что голос хриплый, я дал ему прозвище сипатый. Но когда я увидел настоящую народную любовь к его песням, я понял, как он важен для страны, его песни давали людям энергию, объединяли! Мы говорим: песенка, песенка. А песенка - это очень серьезно! Если народ не кормит свою армию, он кормит чужую! Если народ не поет свои песни, он будет петь и слушать чужие песни. Но тогда это уже не народ. С этим народом можно делать все что угодно! Королева Британии наградила орденом Британской империи Битлз, и Стинга, и Элтона Джона, и многих других поп-музыкантов. Потому что их музыка звучит по всему свету. Молодцы англичане, понимают. Легкая музыка - это очень серьезное дело! Песни Утесова волнуют, они всегда будут современны, значит наше время, будет жить. За Утесова!!!

Все аплодируют.

Сталин: Вообще-то, мне всегда аплодировали стоя.

Марк Твен: Товарищи!

Все встают стоя аплодируют Сталину. Садятся.

Утесов: Иосиф, у меня к тебе еще один вопрос.

Сталин: Говори, Ленчик!

Утесов: Почему Александрову и Орловой дали за «Веселых ребят» правительственные награды, а мне подарили фотоаппарат? Ося, чья это идея, твоя или Гришки Александрова?

Сталин: Опять ты за свое! Столько лет прошло, а тебя этот вопрос мучает?

Утесов: Да, меня зацепило, Ося, обидно! Я хочу знать ответ.

Сталин: Это была моя идея, Леня. Я тебя наказал!

Утесов: За что?

Сталин: Помнишь, в Большом Театре был концерт по поводу завершения десятой партийной конференции (*проверить, десятой?*)

Утесов: Да помню.

Сталин: Ты со своим оркестром решил выйти на сцену не из-за кулис, из зала! Я сидел на первом ряду. А когда твой оркестр заиграл «Легко на сердце от песни веселой», зал встал и начал аплодировать.

Утесов: Прекрасно помню, так и было.

Сталин: Вставать и скандировать можно только при моем появлении, Ленчик.

Утесов: Дурака я сваял!

Сталин: И играть, Леня, надо было чуть-чуть потише.

Утесов: И ты тоже встал Ося, вместе со всеми и аплодировал моему бэнду?

Сталин: А куда деваться, не мог же я оторваться от коллектива. Сталин стоял и аплодировал кому? Музыкальным хулиганам, биндюжникам. Вот я тебя и наказал. Никаких тебе гос. наград, за фильм «Веселые ребята», и никаких упоминаний о тебе в газетах! Сыграй-те, пожалуйста, из Веселых ребят «Тюг-тюг, разгорелся наш уютюг!» Для меня лично.

Люблю эту песню!

Оркестр играет фрагмент. Публика аплодирует.

Марк Твен: Выпивайте, закусывайте, товарищи.

Голос: Я хочу сказать.

К микрофону выходит Эдит.

Эдит: Па, я была не очень счастливой женщиной, зато у меня был самый лучший отец на свете и самая любящая мать! Ты научил меня одной тайне, в маленькой, глупой, на первый взгляд, песенке должен быть сокрыт величайший смысл, который станет близок миллионам людей. Ты знал о песне все! И еще ты говорил, что в каждом прожитом дне, пусть незаметном, должен быть смысл. И тогда вся жизнь становится чем-то особенным. Я люблю тебя, за тебя, па! Я спою!

Все аплодируют, выпивают.

Эдит поет (куплет).

Все аплодируют.

Марк Твен: А теперь на палубе нашего парохода еще один знаменитый русскоговорящий иностранец - Чарли Спенсер Чаплин и белый медведь Борька из далекой Антарктиды.

На сцене появляются Чарли Чаплин в своем фирменном наряде и белый медведь.

Чарли Чаплин: Я Чарли Чаплин, коммунист и большой друг России. Я несколько раз пересматривал «Веселых ребят», я бы так сыграть не смог, Леня! Я всю жизнь дружил с Гришей Александровым, Любой Орловой, и ужасно хотел познакомиться лично с тобой,

иногда я даже по тебе скучал. Петь не умею, зато умею танцевать. На твоём дне рождения, мы станцуем небольшой танчик с полярным медведем Борькой. Пожалуйста, что-нибудь из блатняка.. «Гоп со смыком!»

Оркестр играет «Гоп со смыком» Чаплин и Медведь танцуют. Заканчивают, все аплодируют.

Марк Твен: Жена Леонида Осиповича... Леночка, пожалуйста.

Утесов встает.

Елена: Сиди, Леня!

Утесов: Я не могу, извини.

Елена: Наша с тобой жизнь – соломонова притча, «песня песней», тайна всех тайн. Господь хранит молчание, когда его спрашивают о нас с тобой, он охраняет нашу с тобой тайну, нашу любовь. В каждой твоей песне - наше с тобой счастье. Ты подарил мне судьбу, прекрасную дочь, любовь, и вечность! И на небесах мы будем вместе. Навсегда.

Утесов: Все себе могу простить, Леночка, одно мучает, что приносил тебе в жизни огорчения.

Елена: Ленчик, взрослые люди иногда путают счастье с кондитерской, они думают, что счастье, оно сладкое или приторное! Иногда счастье горькое на вкус, но все равно оно счастье. За тебя, мой муж, мой любимый! Спой мою любимую... (название песни)

Все аплодируют.

Оркестр играет, Утесов поет

Утесов: Я всю свою жизнь служил песне, своему народу, поэтому люди отвечали мне взаимностью, они чувствовали мою искреннюю бесконечную любовь.

Друзья, спасибо за добрые слова, за смешные и за серьезные. Я спою песню, а потом мы будем отдыхать, выпивать, болтать, дышать свежим воздухом, и смотреть на небо и на воду. Это, конечно, не «Песнь песней», зато это песня о песне.

Оркестр вступает. Утесов поет.

ПЕСНЯ НА ВЫБОР РЕЖИССЕРА.

ЗАНАВЕС.